

*А.М. Мухамеджанова*

**ОТТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И  
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В  
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ  
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. ШОЛОХОВА**

**Монография**

*А.М. Мухамеджанова*

**ОТТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И  
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В  
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ  
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. ШОЛОХОВА**

**Монография**

Ростов-на-Дону – 2019

Донское книжное издательство

**УДК 811**  
**ББК 81.2**  
**М92**

**Рецензенты:**

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории  
языка и русского языка ЮФУ Меликян В.Ю.;

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и русского  
языка ЮФУ Месропян Л.М.

**А.М. Мухамеджанова**

**М92** Оттерминологические и терминологические единицы в художественных произведениях М. Шолохова: монография / А.М. Мухамеджанова. Ростов-на-Дону: Издательство ДОНИЗДАТ, 2019. 131 с.

ISBN: 978-5-86216-162-5

Исследование посвящено рассмотрению специфики функционирования терминологических и оттерминологических единиц в художественных произведениях М. Шолохова в структурно-семантическом и прагматическом аспектах. Специальные единицы в художественном дискурсе могут употребляться в переносном значении, образно, выполняя, таким образом, экспрессивную функцию, что, в свою очередь, ведет к образованию новых экспрессивных единиц, которые в монографии предлагается называть оттерминологическими. В настоящем исследовании описываются способы образования оттерминологических единиц, а также устанавливается их место в системе архитектоники художественных произведений М. Шолохова.

Книга адресована преподавателям, аспирантам и магистрантам филологических специальностей, всем, кто интересуется проблемами исследования в области теории языка, лексикологии, экспрессивной стилистики.

## ОГЛАВЛЕНИЕ

<b>Введение</b> .....	4
<b>Глава 1. Методологические основы исследования терминологических и оттерминологических единиц в художественном тексте</b> .....	9
1.1. Понятие термина и явление терминологической деривации.....	9
1.2. Лексикографическое описание терминологических и оттерминологических единиц.....	21
1.3. Источники экспрессивности терминологических и оттерминологических единиц в художественном тексте.....	37
Выводы к главе 1.....	48
<b>Глава 2. Оттерминологические и терминологические единицы в художественных произведениях М. Шолохова: структурно-семантический аспект</b> .....	51
2.1. Классификация оттерминологических и терминологических единиц по идеографическому критерию.....	51
2.2. Классификация оттерминологических и терминологических единиц по структурно-семантическому критерию.....	63
2.3. Классификация оттерминологических и терминологических единиц по территориальному критерию.....	71
Выводы к главе 2.....	76
<b>Глава 3. Оттерминологические и терминологические единицы в художественных произведениях М. Шолохова: прагматический аспект</b> .....	79
3.1. Прагматика использования оттерминологических и терминологических единиц.....	79
3.2. Варьирование оттерминологических и терминологических единиц как источник экспрессивности художественных произведений М. Шолохова...	95
Выводы к главе 3.....	105
<b>Заключение</b> .....	109
<b>Библиографический список</b> .....	115
<b>Список сокращений</b> .....	130

## ВВЕДЕНИЕ

Конец XX и начало XXI в. называют эпохой информационного взрыва, который способствовал появлению новых отраслей знаний, в результате чего возрастает количество терминов. По мнению С. В. Гринева, рост числа терминологических единиц различных областей знаний обгоняет рост числа общеупотребительных единиц. В связи с этим «в настоящее время число терминов отдельных наук превышает число общеупотребительных слов» (Гринев, 2000, 3).

Данный процесс существенно влияет на структурирование лингвистического пространства. Под воздействием определенных экстралингвистических факторов термины могут мигрировать в общелитературный язык. При этом формы взаимодействия общеупотребительных и специальных единиц особенно четко выявляются при включении терминов в художественный текст. Таким образом, исследователи справедливо считают, что «в лингвистике... естественно возникает проблема функционирования терминов в художественной литературе, которая может исследоваться в стилистическом, конкретно-историческом, структурно-семантическом и других планах. В настоящее время эта проблема сохраняет свою актуальность в силу того, что миграция терминов в иные сферы не только продолжается, но и значительно усиливается» (Жидкова, 2008, 7).

Использование специальной единицы в художественном тексте оказывает влияние на ее терминологическую суть, в результате чего формируются новые закономерности функционирования терминов. А. А. Реформатский в своей работе отмечает: «лексически художественные тексты связаны с тропами, экспрессивными выражениями, идиоматической фразеологией – вообще со стилистикой в прямом и любом смысле этого слова. Даже термины... попадая в этот контекст, “зажигаются” стилистически» (Реформатский, 1974, 154). Анализируемые единицы в художественном произведении могут приобретать эмоционально-оценочную

окраску. Таким образом, помимо номинативной функции, термины способны выполнять и ряд других функций, в том числе экспрессивную.

В художественном дискурсе термины наравне со всеми остальными группами языковых единиц получают возможность употребляться в переносном значении, образно, результатом чего является образование новых экспрессивных единиц, которые в нашем исследовании предлагается называть **оттерминологическими**.

Изучение использования терминологических и оттерминологических единиц как источника экспрессивности художественных произведений М. Шолохова помогает раскрыть особенности окказионального словоупотребления, характерные черты идиостиля писателя. Данные единицы, несмотря на то что являются неосновными компонентами языковой системы художественных текстов автора, имеют большое значение для характеристики как творчества писателя, так и употребления анализируемых слов и словосочетаний в художественном тексте вообще.

Однако «активное системное лингвистическое изучение особенностей бытования терминов и понятий в художественном дискурсе начато сравнительно недавно» (Немыка, Пешков, 2015, 250). Таким образом, изобразительно-выразительные возможности терминов и оттерминологических единиц, их место в языковой системе художественных произведений и лингвистический потенциал в настоящее время еще недостаточно исследованы. Полное восприятие художественного текста не представляется возможным без учета всего вышесказанного. Поэтому разноаспектное исследование терминологических и оттерминологических единиц в текстах художественных произведений конкретного автора (в данном случае в произведениях М. Шолохова) представляет значительный интерес. Этим обусловлена актуальность данной монографии.

Материалом исследования послужили оттерминологические и терминологические единицы, выступающие в качестве источника экспрессивности художественного текста, отобранные методом сплошной

выборки из следующих произведений М. Шолохова: роман «Тихий Дон», роман «Поднятая целина», роман «Они сражались за Родину», цикл «Донские рассказы». Общий объем проанализированного материала составил около 250 оттерминологических единиц и около 150 терминов, а также около 2000 контекстов их употребления.

Методология настоящего исследования опирается на общепhilosophические принципы, в соответствии с которыми язык представляет собой материальную, объективную, динамическую и развивающуюся систему.

Общенаучной базой исследования послужили собственно лингвистические сведения, а также привлекались данные из культурологии, этнографии, психологии и философии. Таким образом, проблемы, затронутые в настоящей работе, рассматриваются в рамках современной интегральной парадигмы, в основе которой лежит комплексное междисциплинарное исследование.

Частнонаучная методология опирается на труды, посвященные разноаспектному исследованию терминологических единиц Н. Г. Благовой (1976*a*, 1976*б*, 1976*в*, 1976*г*), Г.П. Буровой (2015), Л. Ю. Буяновой (2002, 2009, 2014), Н. В. Васильева (1989), В. П. Даниленко (1971*a*, 1971*б*, 1976, 1978, 1977), Т. Л. Канделаки (1973, 1977, 1986, 1987), Л. А. Капанадзе (1966, 1965), В. М. Лейчика (1974, 1983, 2000, 2007), С. В. Лобанова (2005, 2008), Д. С. Лотте (1961, 1969, 1971, 1982), А. А. Реформатского (1961, 1967, 1968, 1974, 1986), Х. Фельбер (1984); труды по теории текста и художественного текста И. В. Арнольд (1975, 1980, 1982, 1984, 1991, 1993), М. М. Бахтина (1975), Н. С. Болотновой (1992, 1994, 2011), В. В. Виноградова (1959, 1961, 1963, 1971, 1981), И. Р. Гальперина (1958, 1981), Ю. М. Лотман (1970, 1981, 1998, 1999), по экспрессивной функции языка Л. М. Васильева (1985), Е. М. Галкиной-Федорук (1958), В. А. Масловой (1991, 2001), В. Ю. Меликяна (2012), И. И. Туранского (1985, 1987, 1991, 1992), В. И. Шаховского (1987, 2008, 1975); по лексике и фразеологии

Е. И. Дибровой (1979, 1983, 1989), В. П. Жукова (1967, 1978, 1973), О.В. Ломакиной (2015), В.Ю. Меликяна (2013, 2014, 2015, 2017, 2019), В.Ю. Меликяна и А.В. Меликян (2017, 2018), В.Ю. Меликяна, А.В. Меликян и Е.А. Касаткиной (2019), В. М. Мокиенко (1982, 1987, 1989, 1990, 1999), Т. Л. Павленко (1975, 1979, 1989, 1997), В. Н. Телии (1986, 1988, 1996, 1981, 1995, 2003), Д. Н. Шмелева (1964, 1986, 2003, 2004). Значимое место занимают работы, посвященные творчеству М. Шолохова в лингвистической, литературоведческой и общеэстетической парадигме В. М. Глухова (2013), Ю. А. Дворяшина (1994, 2012), К. И. Прийма (2011), Л. Б. Савенковой (2015), Н. И. Стопченко (2012), Л. Г. Якименко (1970).

Основными методами исследования являются описательный метод, метод компонентного анализа, метод контекстуального анализа.

Данная работа отличается научной новизной, так как в ней впервые делается попытка комплексного анализа оттерминологических единиц и терминов, выступающих в качестве источника экспрессивности художественных произведений М. Шолохова путем выявления их структурно-семантических и прагматических особенностей, обусловленных подчиненностью идейно-художественному замыслу творений автора.

Результаты анализа оттерминологических и терминологических единиц на материале художественных текстов М. Шолохова вносят вклад в дальнейшее развитие теории языка, терминологии, семасиологии, лексикологии, фразеологии, стилистики и лингвокультурологии. Выделенные критерии классификации оттерминологических единиц и терминов (выступающих в качестве источника экспрессивности художественного текста), представленных в художественных произведениях М. Шолохова, могут быть использованы для разработки модели анализа данных единиц в художественных произведениях других, как российских, так и зарубежных писателей. Кроме того, данное исследование способствует разработке системы способов образования оттерминологических единиц, определению структурно-семантических и прагматических свойств

оттерминологических и терминологических единиц в контексте художественного произведения, а также вносит вклад во фразео- и лексикографическое портретирование и кодифицирование диалектологической терминологической подсистемы.

Полученные результаты могут быть использованы в процессе преподавания языкознания, элективных курсов по изучению экспрессивных ресурсов языка художественных произведений М. Шолохова, по экспрессивной стилистике вообще, по современным проблемам лингвокультурологии и этнолингвистики, по филологическому анализу текста, а также в лексикографической и фразеографической практике.

# ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ И ОТТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

## 1.1. Понятие термина и явление терминологической деривации

В настоящее время терминоведению как науке о специальных языковых единицах отводится одно из приоритетных мест в системе научных дисциплин. На развитие данного научного направления в России значительно повлияла публикация в 1931 г. первой статьи Д. С. Лотте по проблемам стандартизации технической терминологии «Очередные задачи научно-технической терминологии».

Д. С. Лотте в своих трудах занимался следующими вопросами: заимствование терминологической лексики, терминотворчество, создание понятийно-терминологических систем, перевод научно-технических терминов.

Исследователь считал, что его работы помогут устранить существенные недостатки технической терминологии: многозначность, синонимию, неточность, наличие терминов, которые не имеют твердо фиксированных значений, перегруженность иноязычными терминами, отсутствие систематичности в построении данных единиц (Лотте, 1961).

Российский лингвист Г. О. Винокур сформулировал проблемы, которые и сегодня находятся в центре языковедческого анализа: о лингвистической сущности термина, природе и организации терминологий, соотношениях между терминологией и номенклатурой.

В настоящее время существует значительное количество работ, освещающих различные вопросы терминологии. Однако до сих пор исследователи не пришли к единому определению понятия «термин».

Л. А. Капанадзе отмечает, что если обобщить все исследования по проблемам научной терминологии, то можно прийти к выводу, что термины

являются самыми многоликими и неопределенными языковыми единицами (Капанадзе, 1966).

Подчеркивая как основную отличительную характеристику термина особую функцию данной языковой единицы, Г. О. Винокур дает следующее определение: «Термины – это не особые слова, а только слова в особой функции. Особая функция, в которой выступает слово в качестве термина, это функция названия» (Винокур, 1939, 5). В. В. Виноградов в своих исследованиях отмечал дефинитивную функцию термина. Л. А. Капанадзе разделяет данную точку зрения, указывая на то, что «термин не называет понятие, как обычное слово, а понятие ему приписывается, как бы прикладывается к нему... Значение термина – это определение понятия, дефиниция, которая ему приписывается» (Капанадзе, 1965, 78). В. П. Даниленко в своих работах, противопоставляя термин нетермину, отмечает особую специальную сферу употребления данных языковых единиц (Даниленко, 1971*a, б*). Некоторые исследователи отмечают различия между термином и нетермином в семантической наполненности. Так, М. М. Глушко пишет: «термин – это слово или словосочетание для выражения понятий и обозначения предметов, обладающее, благодаря наличию у него строгой и точной дефиниции, четкими семантическими границами и поэтому однозначное в пределах соответствующей классификационной системы» (Глушко, 1974, 33).

Опираясь на вышеуказанные определения, в настоящем исследовании под терминами мы понимаем слова или словосочетания специальной сферы употребления, являющиеся наименованием научного, производственно-технологического, искусствоведческого или общественно-политического понятия и имеющие дефиницию. Вместе с этим, разделяя мнение большинства отечественных исследователей, для понятия «терминология» принимаем следующее определение: часть системы литературного языка, охватывающая специальные слова и устойчивые словосочетания,

применяемые в сфере профессиональной деятельности людей (Брагина, 1981; Даниленко, 1976; и др.).

Таким образом, термины – это неотъемлемая часть литературного языка. Данные единицы входят в общую языковую систему через посредство конкретной терминологической системы (терминологии).

Как было отмечено ранее, термин может состоять из одного слова и из нескольких слов. Устоявшегося названия для обозначения сверхсловных терминов в лингвистической литературе нет. Данные языковые единицы могут определяться как терминологические словосочетания, составные термины, устойчивые словосочетания терминологического характера, многословные термины, многокомпонентные термины, фразеологические обороты терминологического характера, аналитические термины и т.д.

В настоящем исследовании мы будем пользоваться такими наименованиями данных языковых единиц, как многокомпонентные термины и составные термины.

Многокомпонентные термины могут быть построены по различным моделям.

Так, термины-сочетания слов представляют собой устойчивые предложно-падежные формы существительных: *в розницу, в штыки*.

Термины-словосочетания определяются как устойчивые «семантические целостные сочетания двух или большего числа слов, связанных с помощью предлога или беспредложным способом» (Судовцев, 1989, 62): *точка кипения, вести атаку, выходить на орбиту*.

Известный терминолог В. П. Даниленко, в свою очередь, подразделяет термины-словосочетания на неразложимые и формально разложимые, внутри которых он выделяет два подтипа образований: свободные и несвободные словосочетания. Под свободными словосочетаниями исследователь понимает обороты, в которых каждый из компонентов является термином и может вступать в двустороннюю связь (*квантовая химия, квантовые свойства*) (Даниленко, 1971а). Несвободные словосочетания представляют собой

обороты, «в которых компоненты, взятые изолированно, могут быть и не терминами, а в сочетании они термины (*белый стих, красная линия, новый сон*)» (Там же, 8).

Кроме того, термины могут быть построены по модели простого двусоставного предложения: *акции падают, акции повышаются*.

В. П. Даниленко также выделяет термины-предложения, однако под ними он понимает морские, военные, спортивные команды (Там же). При этом данные терминологические единицы могут быть как однокомпонентными (*Отставить!*), так и многокомпонентными (*Вперед смотреть! Весла за борт! Шагом марш!*).

В исследовании специальных языковых единиц одним из наиболее актуальных вопросов является разграничение терминологии и номенклатуры, а также терминов и номенклатурных обозначений.

А. А. Реформатский одним из первых отечественных исследователей затронул в своих работах данную проблематику. Ученый отмечает: «...терминология прежде связана с системой понятий данной науки, номенклатура же лишь этикетировывает ее объекты» (Реформатский, 1961, 47). Так, исследователь рассматривал номенклатурные обозначения как специальные названия, связанные с определяемым предметом не в акте мысли, а в акте восприятия и представления.

Г. П. Мельников, также придерживаясь данной точки зрения, указывает, что «отличие “номена” от “термина” заключается в том, что “лексис” “номена” непосредственно соотнесен с предметами и объектами реальности, с уровнем “онтоса”, а не с теоретическими единицами – понятиями об этих предметах, то есть не с единицами уровня “логоса”» (Мельников, 1991, 14). Устанавливая различие между номеном (номенклатурным обозначением) и термином, исследователь, однако, придерживается мнения, что «“номенклатура” оказывается не столько противопоставленной, сколько включенной в “терминологию” как содержательно наиболее конкретный ее уровень» (Там же, 14–15).

О. С. Ахманова, рассматривая номенклатурные обозначения как особые единицы терминологической системы, определяет их как «специальные термины-названия» (Ахманова, 2005, 270).

Исходя из вышеуказанных точек зрения, можно заключить, что номенклатура, несмотря на несколько обособленный статус, дополняет терминологию, является ее составной частью. В нашей работе мы также придерживаемся данной позиции.

Исследуя терминологические единицы, необходимо указать основные категориальные характеристики терминов, отличающие их от общеупотребительных слов литературного языка. Однако стоит отметить, что при описании терминологических единиц в рамках данной проблематики выделяются два подхода: дескриптивный и нормативный. Н. П. Кузькин охарактеризовал следующим образом различие между этими подходами: «Если лингвисты подходят к термину как к чему-то данному, то терминологи – как к объекту сознательной целенаправленной обработки. Поэтому лингвисты говорят о признаках термина, а терминологи – о требованиях к термину» (Кузькин, 1962, 140–141).

Изучив отличительные особенности терминологических единиц с точки зрения двух вышеуказанных подходов и опираясь на подавляющее большинство работ по терминологии (Арнольд, 1991; Волкова, 1984; Комлев, 1987; Котелова, 1970; Лотте, 1961; Реформатский, 1961; Толикина, 1970 и др.), перечислим наиболее значимые категориальные характеристики терминологических единиц.

1. **Специфичность употребления.** Данная характеристика представляет собой одно из наиболее важных различий между специальной и общеупотребительной единицей. Как отмечает Н. Н. Мелех, «все общезыковые функции преломляются в термине именно под углом специального употребления» (Мелех, 2004, 22).

2. **Системность.** Одной из важных характеристик терминологических единиц является системность. Согласно точке зрения Р. С. Цаговой,

именно эта характеристика терминов не позволяет им раствориться среди элементов общепотребительного языка (Цаголова, 1985). Как однокомпонентные, так и многокомпонентные терминологические единицы реализуют свою смысловую значимость только в качестве членов определенной терминосистемы, которая, в свою очередь, заключается в органической связанности терминов. Системность специальных единиц определяется также целенаправленной организацией терминологических систем.

**3. Наличие дефиниции.** Здесь речь идет о том, что слова и словосочетания специальной области знания закреплены за словарями какой-либо определенной терминологии, где подробно дается их значение. Таким образом, специальные понятия, называемые терминологическими единицами, имеют точные границы. Стоит отметить, что наличие дефиниции обуславливает *содержательную точность* термина.

**4. Тенденция к моносемичности.** Вследствие этого такие слова, как *функция* в математике, физиологии и лингвистике и *редукция* в экономике и фонетике следует рассматривать как терминологические омонимы, которые не подлежат унификации в межнаучном плане (Реформатский, 1961).

Термин не нуждается в контексте, как единица общепотребительная, так как он:

«а) член определенной терминологии, что и выступает вместо контекста;

б) может употребляться изолированно, например в текстах реестров или заказов в технике;

в) для чего и должен быть однозначен не вообще в языке, а в пределах данной терминологии» (Лотте, 1961, 73).

**5. Отсутствие модальности и экспрессивности.** Общепотребительным языковым единицам свойственны многие характеристики, которые лежат за пределами треугольника «вещь – слово (устойчивое словосочетание) – понятие». В их числе модальность и

экспрессия. Необязательно, что эти характеристики будут совпадать для каждой языковой единицы, но единицы языка могут их иметь, функционируя в обычном речевом общении. Термины же принципиально лежат вне экспрессии, «так как экспрессия предполагает выбор хотя бы дихотомически: *хорошо – плохо, грустно – весело, серьезно – шутливо* и т.д. Для терминов в этом смысле выбора нет» (Реформатский, 1961, 52).

Модальность понимается более абстрактно, чем экспрессивность. Если ее рассматривать как отношение говорящего к высказыванию, то в области терминологии это все сведено к нулю. Отношения терминов исчерпываются их логической и предметной направленностью (Там же).

**6. *Стилистическая ограниченность.*** Исходя из терминологической изоляции и отнесенности терминов к определенному (терминологическому) полю, стоит говорить о стилистической ограниченности специальных единиц как таковых (Реформатский, 1961).

Отметим, что все вышеперечисленные характеристики свойственны анализируемым единицам лишь в пределах своего тематического терминологического поля.

Термины являются важным источником обогащения общелитературного языка. Специальные единицы могут становиться элементами общего узуса и, таким образом, перестают пониматься неспециалистами как термины, хотя они продолжают ими оставаться в той или иной области знания, в той или иной терминосистеме (Рахманова, Суздальцева, 1997).

Передвижению узкоспециальных терминологических единиц в общеупотребительные способствуют различные факторы. Одним из таких факторов считается общий образовательный уровень, специальная развитость языкового коллектива. Кроме того, вышеуказанному процессу может способствовать главенствующая роль определенной науки, сферы производства в отдельный период жизни общества. Осознание значимости определенной специальной области характеризуется популяризацией

связанных с данной областью знаний, которая может осуществляться посредством таких средств, как научно-популярная литература, средства массовой информации и художественная литература.

Принято считать, что функционирование специальных единиц в неспециальном тексте при сохранении основного значения представляет первый этап освоения термина общеупотребительным языком, который в лингвистической литературе получил название «*деспециализация*».

Если принять за данность, что «значение термина – это весь спектр знаний о понятии и его отношении с другими объектами в системе» (Мелех, 2004, 92), тогда, несмотря на то, что языковая единица при деспециализации сохраняет свое основное значение, весь объем ее семантической наполненности все же сокращается. Это связано с тем, что при употреблении анализируемых единиц в массовых источниках они теряют свои характеристики, в том числе и специфичность употребления терминов только членами определенного специального сообщества, что влияет на «истинность» (Там же, 91) значения языковой единицы.

Таким образом, сущность деспециализации проявляется в «редукции значения терминологической единицы, степень которой может быть различной» (Там же, 92).

Также отметим, что процесс перехода термина в общеупотребительный язык считается завершенным в случае фиксации данной языковой единицы хотя бы в одном словаре общего пользования. Если анализируемая единица не зафиксирована ни в одном из словарей общего пользования, необходимо наличие как минимум трех устных или трех письменных презентаций употребления терминологической единицы в общеупотребительном языке из трех различных источников (лексикографический принцип для регистрации новых слов издательства Longman ([http://www. longmanwebdict.com](http://www.longmanwebdict.com))).

Единичные примеры употребления терминов в массовых источниках относятся к окказионализмам.

После этапа деспециализации возможен второй этап перехода терминологических единиц в общеупотребительный язык: **детерминологизация**.

Под детерминологизацией принято понимать переход специальной единицы в общий узус, который сопровождается расширением семантического объема термина и формированием нового, нетерминологического (переносного) значения (Лейчик, 2000). Таким образом, термин выступает как производящая база для новой общеупотребительной единицы. Стоит отметить, что данный этап, как правило, возможен только после деспециализации термина.

Однако также частотны случаи окказионального употребления анализируемых единиц в переносном значении в общелитературном языке. Окказиональное использование рассматриваемых единиц отражает возможную перспективу пополнения общелитературного языка средствами терминологии.

Специальные единицы могут являться производящей базой не только для одноименных слов или словосочетаний с переносными значениями. На основе терминов могут быть образованы языковые единицы с переносными значениями, различающиеся с ними по структуре.

Образование одноименных с терминами языковых единиц представляет собой **семантическую терминологическую деривацию**. В то время как единицы, которые генетически восходят к терминам, но характеризуются различной с производящими терминами структурой, отражают явление **структурно-семантической терминологической деривации**.

Отметим, что понятие деривации мы рассматриваем в широком смысле и понимаем под ним «название для процессов (реже результатов) образования в языке любых вторичных знаков, в т. ч. предложений, которые могут быть объяснены с помощью единиц, принятых за исходные, или выведены из них путем применения определенных правил, операций» (ЛЭС,

129). При этом изменение исходной языковой единицы в процессе деривации может быть направлено «либо на использование знака в новом значении... новой функции, либо на создание нового знака путем преобразования старого или его комбинации с другими знаками языка в тех же целях» (Там же).

Таким образом, в настоящем исследовании языковые единицы с переносными значениями, генетически восходящие к терминам, и со значениями, мотивированными фонетической структурой терминов (см. параграф 3.1.), предлагается называть *оттерминологическими*.

Отметим, что такие дериваты в большинстве случаев наделены экспрессивностью. Однако у некоторых оттерминологических единиц в результате их исторического развития происходит стирание образности, что влечет за собой утрату экспрессивности.

Перечислим основные способы образования оттерминологических единиц.

Прежде всего, стоит отметить, что анализируемые случаи терминологической деривации возможны при метонимическом и метафорическом переосмыслении.

При метонимическом переосмыслении нами выделяется два способа образования оттерминологических единиц:

1. Однокомпонентный термин становится базой для фразеологизма, основанного на метонимии. Например, деспециализированный термин *порох* стал базой для фразеологизма *пахнет порохом* в значении «близится, назревает война» (ФСРЛЯ, 431). В анализируемом фразеологизме реализуется метонимический перенос по смежности с частного на общее. Данная метонимическая модель основана на том факте, что запах пороха может символизировать начало боевых действий.

2. Многокомпонентный термин переосмысливается метонимически и преобразуется в одноименную оттерминологическую единицу. Так, на основе историко-политического термина *рабочий класс*, обозначающего один из

основных классов общества, образовалась одноименная единица, которая употребляется по отношению к одному представителю данной социальной группы: *Когда ты обедал, рабочий класс* /Г. Николаева. Битва в пути/ (пример заимствован из статьи Т. Л. Павленко «О переносном использовании составных терминов и номенклатурных обозначений» (1975)). Стоит отметить, что нами не обнаружены случаи узуального закрепления в лексикографической и фразеографической практике многокомпонентных оттерминологических единиц, образованных вышеуказанным способом.

Также отметим способы образования оттерминологических единиц на основе метафоры:

1. Однокомпонентный термин переосмысливается метафорически и преобразуется в одноименную оттерминологическую единицу. Например, лексема *калибр* в одной словарной статье имеет как прямое терминологическое значение «диаметр канала ствола огнестрельного оружия, орудия» (СК, 411), так и переносное значение «размер, величина, форма чего-л.» (Там же).

2. Метафорическому переосмыслению подвергается производная от однокомпонентного термина лексема. Так, оттерминологическая единица *жеребцевать*, образованная от термина *жеребец*, в «Словаре языка Михаила Шолохова» определяется как «быть похотливым мужчиной, вести себя как жеребец» (СЯМШ, 356).

3. Однокомпонентный термин становится базой для фразеологизма, основанного на метафоре, если данная единица получает узуальное закрепление. При этом в большинстве случаев переносное значение фразеологизма мотивировано уже переносным значением однокомпонентной оттерминологической лексемы, на основе которой данный оборот образовался. Так, сельскохозяйственный термин *ярмо*, мигрировав в общелитературный язык, приобрел переносное значение «бремя, тяжесть». (СК, 1533) На основе данной модели переноса образовался фразеологизм *под*

ярмом [*быть*] со значением «в зависимом, угнетенном, поработанном положении» (Бирих и др., 2005, 786).

4. Однокомпонентный термин становится базой для окказиональной многокомпонентной единицы, основанной на метафоре, если образованное словосочетание не получает узуального закрепления. Так, в романе М. Шолохова «Тихий Дон» используется многокомпонентная окказиональная оттерминологическая единица *ломать борозду* в значении «разрушать что-л. устоявшееся, традиционное (СЯМШ, 509)», производящей базой для которой послужил однокомпонентный сельскохозяйственных термин *борозда* со значением «канавка, образованная бороздковой сеялкой (ее бороздильником), плугом, бороздоделом или другим орудием для посева и посадки с.-х. культур» (СЭС, 57).

5. Многокомпонентный термин переосмысливается метафорически и преобразуется в одноименный фразеологизм, если данное переносное значение узуально закреплено. Например, медицинский термин *болевая точка*, обозначающий особый участок на поверхности тела, перейдя в общелитературный язык, метафорически переосмысливается, приобретая узуальное значение «насуточный вопрос, острая проблема» (СФОСРЯ, 193).

6. Многокомпонентный термин переосмысливается метафорически и преобразуется во фразеологизм (при условии, что данная единица узуально закреплена) с отличной от производящего термина структурой. Так, военный термин *линия огня*, перейдя в общеупотребительном языке, метафорически переосмысливается и преобразуется во фразеологизм *выйти на линию огня* со значением «попасть в самое трудное, опасное место или ситуацию» (Мокиенко, Никитина, 2007, 362).

7. Многокомпонентный термин метафорически переосмысливается окказионально и трансформируется в одноименную окказиональную единицу. Таким образом, военный термин *караульная служба*, обозначающий особый вид повседневной воинской службы, связанный с охраной и обороной различных объектов, в творчестве М. Шолохова

употребляется метафорически с целью охарактеризовать тщательный присмотр за птицами, заботу о них: ... *крайняя необходимость заставляла нести караульную службу по охране жалких в своей беззащитности голубей* /М. Шолохов. Поднятая целина/.

Следует указать, что образование экспрессивных оттерминологических единиц на основе метафоры является более продуктивным способом, чем на основе метонимии.

Подводя итоги данного параграфа, еще раз отметим, что термины являются особым пластом литературного языка, который по своим свойствам и категориальным признакам отличается от общеупотребительных языковых единиц.

Однако терминологические единицы при влиянии определенных факторов могут не только перейти в разряд общеупотребительных слов и словосочетаний, но и стать производящей базой для экспрессивных единиц языка. Процесс образование неспециальных языковых единиц на основе терминов в настоящем исследовании определяется как терминологическая деривация, а такие дериваты предлагается назвать оттерминологическими единицами. При этом способы образования оттерминологических единиц разнообразны, а случаи употребления многочисленны, что определяет значимость их исследования.

## **1.2. Лексикографическое описание терминологических и оттерминологических единиц**

Терминологические единицы являются, как правило, предметом описания в специальных словарях: терминологических, энциклопедических (лингвистических, математических, биологических и т.д.) и словарях-справочниках. В вышеперечисленных лексикографических трудах решаются такие задачи, как систематизация, унификация и толкование терминологических единиц. Словарные статьи в этих изданиях

характеризуются особой структурой, которая отражает специфику описываемого материала. Во многих словарях приводят материалы и сведения исторического характера (различные даты, ученые, обзоры разработки теории и др.). В содержание словарной статьи часто включены схемы, формулы, графики, фотографии, рисунки, а также иногда приводятся ссылки на другие, связанные по тематике статьи.

Анализ материала общих толковых словарей свидетельствует о том, что терминологические единицы являются предметом пристального внимания лексикографов. Так, в предисловии к толковому словарю под редакцией Г.Н. Складневской указывается, что в настоящее время одним из наиболее интенсивно развивающихся процессов является «“онаучивание” языка, проявляющееся в освоении общим языком терминологии» (Толковый словарь русского языка начала XXI века., 2007, 5). При этом, как правило, авторы достаточно четко определяют свою позицию по поводу включения терминов в свои лексикографические труды. Так, в одном из наиболее актуальных толковых словарей русского языка советской эпохи под редакцией Д. Н. Ушакова отмечается, что в нем «не даются узкоспециальные термины наук, искусств, техники. Исключение сделано для терминов разных производств: они представлены в словаре несколько шире других вследствие их широкого проникновения в советскую печать в связи с интересом к нашему строительству» (СУ, 1, 21). В толковом словаре под редакцией С. А. Кузнецова, описывающем лексический состав русского языка, сложившийся к концу XX в., отмечено: «Основным критерием включения слова в Словарь является его фактическое использование в текстах художественной литературы и научно-популярных изданий, в публицистике, массовой периодической печати и устной речи. Кроме общеупотребительных слов в Словаре приведена основная терминология современной науки и техники, а также слова, обозначающие явления и реалии производственной, культурной и общественной жизни русского народа. При этом значительные пласты лексики (экономические, исторические, философские, политические

понятия, термины науки и искусства) получили в словаре более точное толкование» (СК, 3). Составители одного из наиболее значительных в своем роде лексикографического труда – «Большого академического словаря русского языка», первый том которого вышел в 2004 г., – отмечают, что в данной работе «нашли место и отдельные слова ограниченного употребления: узкоспециальные, диалектные, жаргонные, достаточно широко используемые в разговорной речи, а также в художественной и научно-популярной литературе» (БАС, 1, 13). Вместе с этим в словаре указывается, что узкоспециальные термины, которые не получили широкого распространения в литературной речи, не были включены в данное издание (Там же).

Таким образом, мы видим, что составители толковых словарей, включая в свои лексикографические труды те или иные термины, отражают социальные изменения, связанные с актуализацией определенных специальных сфер деятельности человека.

Как было отмечено ранее, термин, попадая в общеупотребительный язык, характеризуется сужением семантики. Поэтому определения значений анализируемых единиц в специальных лексикографических трудах и общих толковых словарях значительно различаются. Так, например, физический термин *инерция* в «Большом академическом словаре русского языка» определяется как «свойство кого-, чего-л. сохранять какое-л. состояние покоя движения и т.п., пока какая-л. внешняя сила не выведет из этого состояния» (БАС, 7, 275). В «Физическом энциклопедическом словаре» под редакцией А.М. Прохорова термин *инерция* имеет следующее определение: «в механике свойство матер. тел, находящее отражение в 1-ом и 2-ом *Ньютона законах механики*. Когда внеш. воздействия на тело (силы) отсутствуют или взаимно уравновешиваются, И. проявляется в том, что тело сохраняет неизменным состояние своего движения или покоя по отношению к т.н. *инерциальной системе отсчета*. Если же на тело действует неуравновешенная система сил, то И. сказывается в том, что изменение состояния покоя или движения, т.е.

изменение скоростей его точек, происходит постепенно, а не мгновенно» (ФЭС, 221). Из приведенного выше примера мы видим, что в специальном словаре дается подробная научная дефиниция лексемы, раскрывается полный спектр понятия, который необходимо знать специалисту. Такое энциклопедическое объяснение термина *инерция* предполагает специальную подготовку пользователя словаря (знание *1-го* и *2-го Ньютона законов механики*, термина *инерциальная система отсчета*). Вместе с этим в общем словаре отмечается, что толкование терминов «осуществляется обычно без применения узкоспециальной терминологии, что должно обуславливать ясность и доступность словарных определений» (БАС, 1, 12).

Особый характер терминологических единиц в общих толковых словарях может отмечаться посредством специальных помет, относящих единицу к определенной сфере деятельности: *физ.* (физика), *матем.* (математика), *мед.* (медицина), *геол.* (геология), *с.-х.* (сельское хозяйство) и т.д. Если же слово или словосочетание относится сразу к нескольким терминосистемам, или трудно точно указать сферу деятельности специальной единицы, как правило, используется помета *спец.* (специальное). В некоторых случаях вместо специальных помет в определении термина используются указания типа: *В математике – ...*, *В грамматике – ...*, *В архитектуре – ...* и т.д.

Однако не все терминологические единицы в общих толковых словарях сопровождаются специальными пометами. Отсутствие или наличие пометы, относящей слово к определенной сфере деятельности, отражает разную степень освоенности термина общеупотребительным языком. Так, например, такие терминологические единицы, как *атмосфера*, *рубильник*, *пахота* и многие другие, сопровождающиеся специальными пометами в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, первое издание которого датируется 1935–1940 гг., в толковых словарях более позднего периода (БАС, СРЯ, СК) фиксируются без указания на специальную сферу деятельности. Таким образом, можно сделать вывод, что с развитием

общества вышеуказанные единицы настолько часто стали употребляться в общелитературном языке, что потеряли специальный оттенок, перестали восприниматься неспециалистами как терминологические (хотя данные языковые единицы продолжают быть терминами в своих специальных областях).

Как было отмечено ранее, термины, перейдя в общеупотребительный язык, могут переосмысливаться метафорически и метонимически, результатом чего является образование новых оттерминологических единиц. В лексикографических трудах прямые и переносные значения однокомпонентных терминов, как правило, фиксируются в одной словарной статье. Таким образом, отражаются деривационные отношения между термином и оттерминологической единицей. Переносные значения могут быть указаны как под отдельным номером: «*Осечка*. 2. Неудача, промах в каком-л. деле» (СК, 729); так и после специального знака ||, который выделяет смысловые оттенки значения: «*Осечка*. || перен. разг. Неудача, промах в каком-л. деле» (СРЯ, 2, 645). Мы считаем целесообразным изменения в семантике анализируемых единиц в словарной статье отмечать цифрами, так как при переосмыслении единицы приобретают самостоятельные переносные значения, хотя и мотивированные первичной терминологической семантикой.

Однако в некоторых случаях однокомпонентные терминологические и производные от них оттерминологические единицы даются в разных словарных статьях, т.е. рассматриваются как омонимы. Это связано с тем, что в результате исторических процессов, происходящих в языке, возможно постепенное стирание семантической связи между прямым и переносным значениями единицы, что приводит к распаду полисемии и, таким образом, к образованию двух омонимов: *свет* «Лучистая энергия (электромагнитные колебания в определенном диапазоне волн), воспринимаемая глазом и делающая видимым окружающий мир» – *свет* «Земля со всем существующим на ней, мир, вселенная» (СК, 1157).

Особого внимания заслуживает лексикографическое описание составных терминов и образованных на их базе фразеологизмов. Проблема лингвистического статуса составных терминов на сегодняшний день является дискуссионной. Это связано со спорами исследователей относительно того, считать ли данные обороты частью фразеологической системы или же рассматривать их исключительно как объекты изучения терминоведения. Неопределенное положение анализируемых единиц в лексикографической практике получает яркое выражение при отборе и классификации материала, а также при определении параметров описания.

Кроме того, исследователи придерживаются различных теоретических позиций относительно того, какие отношения устанавливаются между составными терминами и образованными от них фразеологизмами, что также отражено в различных лексикографических работах.

Приведем наши данные анализа содержания и описания составных терминов и оттерминологических фразеологизмов в лексических и фразеологических словарях.

В «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова как устойчивые словосочетания, так и экспрессивные фразеологизмы помещаются под знаком ромба (◊), который в словаре относит языковую единицу к фразеологии. При этом если составной термин прошел процесс детерминологизации, в словаре у одного оборота фиксируются как прямое терминологическое, так и переносное фразеологическое значения:

«◊ *Двойная бухгалтерия*. 1. Метод учёта по приходу и расходу предприятия, при котором учётные операции записываются два раза в разных книгах. 2. О лицемерных, двурушнических действиях кого-л.» (СК, 106);

«◊ *Боевая готовность* (номер один). 1. Способность войск в любой момент начать и успешно вести боевые действия. 2. Шутл. О полной, мгновенной готовности к чему-л.» (Там же, 87).

Кроме того, в анализируемом словаре отмечается, что если один из компонентов устойчивого словосочетания сохраняет ощутимую, ясную связь

с каким-либо значением толкуемого слова, то оборот помещается при данном значении в блоке иллюстраций. Краткое толкование оборота дается, как правило, после него в скобках:

«**Абстрактный**. 1. Полученный путем абстракции (1 зн.); отвлеченный (противоп.: конкретный). *А-ое понятие. А-ые имена существительные* (лингв.; называющие отвлеченные понятия, свойства, качества, действия и состояния)» (Там же, 24).

«**Долгота**. 2. *Геогр.* Одна из координат, определяющих положение точек на поверхности Земли относительно начального меридиана. *Астрономические наблюдения долготы и широты. Восточная, западная д.* (расстояние, отсчитываемое по параллелям к востоку и западу от нулевого меридиана)» (Там же, 271).

Однако если такой составной термин переосмысливается, часто в скобках дается только переносное фразеологическое значение, которому предшествует слово *также*. Данная лексема дает понять пользователю словаря, что оборот обладает прямым и переносным значениями:

«**Центр**. 1. *Матем., физ.* Точка пересечения каких-л. осей, линий в фигуре, точка сосредоточения каких-л. отношений, сил в теле... *Ц. тяжести* (также; самое основное, суть)» (Там же, 1461).

«**Проба**. 4. Количество весовых частей благородного металла, заключающееся в определенном числе весовых долей сплава; клеймо на слитках благородного металла и изделиях из него, указывающее на это количество... *Вышей, чистой пробы* (также: очень высокой квалификации, высокого достоинства, качества). *Низкой пробы* (также: дурного свойства, плохого качества)» (Там же, 997).

Таким образом, автор словаря рассматривает составные термины и образованные на их базе фразеологизмы как семантические варианты одного устойчивого словосочетания. Другими словами, отношения между значением термина и значением одноименного фразеологизма рассматриваются как полисемия.

Стоит отметить, что анализируемый лексикографический труд отражает в своих основных чертах теоретические позиции, согласно которым построен «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой. В частности, в данном словаре под знаком ромба (◊), который относит единицу к фразеологии, фиксируются как составные термины, так и фразеологизмы. Вместе с этим у детерминологизированного многокомпонентного термина представлены, как правило, два значения: прямое терминологическое и переносное фразеологическое: «◊ **Брать (взять) на прицел.** 1) прицеливаться в кого-, что-л., нацеливаться на кого-, что-л. 2) перен. сосредоточивать внимание на ком-, чем-л.» (СРЯ, 3, 455).

В «Большом академическом словаре русского языка» авторы определяют свои теоретические позиции по отношению к пониманию фразеологии, к которой относят: «а) различные по происхождению устойчивые семантически немотивированные словосочетания, обладающие, как правило, экспрессией и стилистической окрашенностью; б) выражения, связанные с историей и мифологией; в) крылатые выражения, вошедшие в литературный язык из литературных произведений и религиозных текстов» (БАС, 1, 28). Устойчивые обороты номинативного характера составители словаря рассматривают как составные термины или наименования. При этом в словаре указывается, что устойчивые словосочетания помещаются за знаком ромба (◊), в то время как фразеологические словосочетания (идиомы) отмечаются знаком тильды (~).

Стоит указать, что в большинстве случаев в словаре под соответствующими знаками приводятся термин и – как отдельная самостоятельная единица – образованный на его базе фразеологизм:

«◊ **Принимать, поступать, брать, взять на вооружение.** Включать в состав средств, необходимых для ведения войны.» – «~ **Брать, взять, принимать/принять что-л. на вооружение.** Перенимать, усваивать чей-л.

опыт; руководствоваться в своей жизни, деятельности какой-л. идеей, целью, задачей и т.п.» (Там же, 3, 126–127);

«◇ *Доводить, доходить до белого каления*. Раскалять, раскаляться добела» – «~ *Доводить/довести, доходить/дойти до белого каления*. Приводить или приходить в состояние иступления, полной потери самообладания» (Там же, 1, 532).

Такой способ представления анализируемого материала отражает точку зрения, согласно которой между составным термином и производным от него фразеологизмом устанавливаются омонимичные отношения.

Однако нами также отмечены случаи, когда составители словаря детерминологизированный составной термин рассматривают как многозначную единицу с прямым терминологическим и переносным фразеологическим значениями:

«◇ *Вещественное доказательство*. а) Предмет, документ, связанные с преступлением и дающие возможность его раскрытия. б) Разг. Ирон. О каком-л. предмете, подтверждающем чьи-л. слова, поступки и т.п.» (Там же, 2, 482).

«◇ *Второй эшелон*. а) Запасные воинские части. б) Перен. О тех, кто заменяет в случае нужды более опытных, ведущих» (Там же, 3, 320).

Составители «Фразеологического словаря русского языка», редактором которого является А.И. Молотков, придерживаются узкого подхода к фразеологии и не включают в словарь составные термины, обосновывая свою позицию тем, что слова, являющиеся компонентами составных терминов, «не утрачивают признаков слов» (ФСРЯ, 16). Вместе с этим в данной работе отмечается, что терминология является важным источником пополнения фразеологического состава языка. В словаре последовательно отражены позиции составителей, проявляющиеся в фиксации только переносных фразеологических значений единиц:

**«Тяжелая артиллерия.** 1. Ирон. Неповоротливые, медлительные люди. 2. То, что придерживается на самый крайний случай как самое надежное, действенное средство для достижения чего-либо» (Там же, 31).

**«Доводить до белого каления.** Приводить в состояние иступления, полной потери самообладания» (Там же, 141).

Стоит отметить, что в анализируемом словаре некоторые оттерминологические фразеологизмы сопровождаются этимологической справкой:

**«На аккорд.** Устар. На условиях договора, соглашения (брать, захватывать, сдавать и т.п.). – Выражение восходит к Петровской эпохе; употреблялось как военный термин, обозначающий капитуляцию противника на условиях, которые он оговаривал для себя перед победителем, в отличие от выражения “на дискрецию” – на произвол победителя. Лит.: Н. А. Смирнов, Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. Сб. ОРЯС, т. 38, № 2, СПб., 1910» (Там же, 30).

**«Брать на abordаж.** Действовать решительно по отношению к кому-либо или чему-либо. – Первонач.: атаковать корабль противника своим кораблем, подойдя к нему вплотную для сцепления с ним» (Там же, 45).

Во фразеографическом труде А.И. Федорова «Фразеологический словарь русского литературного языка» отмечается, что в словарь не включена «узкоспециальная терминология, выраженная в устойчивых словосочетаниях» (ФСРЛЯ, 5). Однако представлены некоторые общеупотребительные составные термины, такие как *холодная война, анютины глазки, белая горячка, полярный день, красная строка, морская звезда, дикий камень* и др.

В данном словаре значения составного термина и производного от него фразеологизма рассматриваются как семантические варианты одного устойчивого словосочетания.

В целом составитель анализируемого фразеографического труда проявляет последовательность в представлении материала, однако в

некоторых случаях мы наблюдаем отступление от избранной теоретической позиции.

Так, обороты *братъ в клещи*, *братъ на мушку*, *выкидывать антраша* и др. представлены в словаре как многозначные единицы, в качестве первого значения выступает значение составного термина:

«**Братъ в клещи** 1. Нов. Спец. Окружить противника с трех сторон. 2. Разг. Экспресс. Ставить кого-л. в затруднительное положение» (Там же, 38).

«**Братъ на мушку**. 1. Прицеливаться в кого-либо, чтобы выстрелить из огнестрельного ручного оружия. 2. Сосредоточивать внимание на ком-либо; наблюдать, следить за кем-либо» (Там же, 42).

В то же время обороты *атмосфера низкого давления*, *удельный вес*, *бить отбой*, *запас прочности* и др. зафиксированы в словаре только как фразеологизмы с переносным оттерминологическим значением:

«**Атмосфера низкого давления**. Устар. Ирон. О тягостной, гнетущей обстановке» (Там же, 16);

«**Удельный вес**. Относительное значение, роль» (Там же, 64).

Однако в некоторых случаях оттерминологические фразеологизмы также снабжаются сноской, которая указывает на их происхождение: *колорадский жук*, *выкидывать артикулы*, *играть вторую скрипку*, *играть первую скрипку*, *тертый калач*, *краеугольный камень*, *оставаться за флагом*, *отдавать концы*, *тихой сапой* и др.:

«**Краеугольный камень**. Книжн. Экспресс. Важнейшая часть; основа. – Первонач.: камень, лежащий в основании постройки. Лит.: Словарь современного русского литературного языка. – М.; Л., 1956. – Т. 5. – С. 1566» (Там же, 269).

«**Тихой сапой**. Разг. Ирон. Исподтишка, скрытно, незаметно (действовать, добиваться чего-либо). – От военного термина *сапа*: “подкоп или ров к позиции неприятеля, который делался скрытно, тихо, незаметно, обычно при осаде крепости для подрыва ее стен” (от итал. *zarra* – мотыга).

Лит.: Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М., 1940. – Т. 4. – С. 50» (Там же, 556).

В работе «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь» указывается, что «в корпус Словаря включены в первую очередь фразеологизмы в узком смысле слова» (Бирих и др., 2005, 5), а также «некоторые пословицы, устойчивые составные термины, номенклатурные словосочетания, перифразы и крылатые слова, которые либо в какой-то мере претерпели фразеологизацию, либо стали основой для образования фразеологизмов в узком смысле слова» (Там же).

Отметим, что в большинстве случаев в словаре фиксируются только переносные фразеологические значения анализируемых оборотов. При этом, как правило, единицы сопровождаются справкой, указывающей на их терминологическое происхождение:

*«Точка зрения. Определенный взгляд на какой-л. вопрос, свое особое отношение к чему-л. Происхождение оборота связано с переносным употреблением строго математического понятия»* (Там же, 695).

*«Второе дыхание. Нов., часто публ. Новый прилив энергии. Этот спортивный термин употреблялся и употребляется бегунами-стайерами: когда бегун устает, он продолжает бежать через силу, и через некоторое время усталость проходит и силы как бы восстанавливаются»* (Там же, 214).

Однако анализ материала показал, что составители данного словаря не всегда последовательны. Так, обороты *темная лошадка, предавать/предать анафеме, выкидывать артикулы* и др. представлены как многозначные с прямыми терминологическими и переносными фразеологическими значениями:

*«Предавать/предать анафеме. Книжн. 1. Проклинать, отлучать от церкви кого-л. 2. Клеймить, подвергать осуждению, крайне резко осуждать кого-л.»* (Там же, 24).

«**Выкидывать артикулы**. Устар. 1. Воен. Тренироваться в выполнении ружейных приемов. 2. Совершать неожиданные поступки с целью удивить проделками, рассмешить других» (Там же, 32).

Составители «Фразеологического словаря современного русского литературного языка» под редакцией А. Н. Тихонова указывают, что работа построена на принципах широкого понимания фразеологии, согласно которому данное понятие рассматривается как «совокупность всех типов устойчивых сочетаний, включая составные наименования, терминологические сочетания, разнообразные типы устойчивых конструкций с семантически слитными и неслитными компонентами» (ФССРЛЯ, 1, 5).

Вышеуказанная точка зрения отражается в выборе материала. Составные термины из различных специальных сфер деятельности человека составляют значимую часть данного фразеографического труда.

Отметим, что составители словаря, придерживаясь широкого подхода к объему фразеологии, выделяют два типа фразеологических оборотов – *устойчивые словосочетания*, вводимые в словарную статью с помощью ромба (◊), и собственно фразеологизмы, следующие в словаре за тильдой (~) (Там же, 6).

В большинстве случаев составные термины и одноименные фразеологизмы в словаре рассматриваются как омонимы:

«◊ **Абсолютный нуль** – в физике: наиболее низкая температура (– 273,16 °С)» – «~ **Абсолютный нуль** (*перен.*) – о ничтожном, совершенно бесполезном в каком-л. деле человеке» (Там же, 10).

«◊ **Точка замерзания** – отметка на шкале термометра, показывающая 0°» – «~ **Точка замерзания** (быть, находиться и т.п.) – без движения вперед, на одном месте» (Там же, 2, 412).

Однако анализ словаря показал, что некоторые обороты представлены как многозначные с прямыми терминологическими и переносными фразеологическими значениями:

«~ **Квадратура круга** – а) площадь круга, превращенная в равновеликий квадрат (задача является неразрешимой); б) (перен.) вообще о том, что является неразрешимым (Там же, 1, 494)».

«~ **Родимое пятно** – 1) то же, что родинка (врожденное или появившееся в течение жизни пятнышко на коже человека); 2) (перен.) о недостатках, являющихся пережитком чего-л.» (Там же, 2, 261).

Отметим, что несмотря на то, что составители словаря придерживаются широкого подхода в понимании фразеологии, многие единицы (значения единиц) в работе упущены.

Так, обороты *абсолютный нуль, предать анафеме, первая скрипка, вторая скрипка, точка замерзания* и др. фиксируются с терминологическими и фразеологическими значениями. В других случаях составители отступают от такого способа представления материала. У языковых единиц *ломовая лошадь, крупный план, магнитное поле, лакмусовая бумажка* и др. зафиксированы только терминологические значения. Обороты *заключительный аккорд, впадать (впасть) в анабиоз, зондировать почву, приводить (привести) к общему знаменателю* представлены лишь в переносных фразеологических значениях. Приведем примеры словарных статей:

«◇ **Крупный план** (спец.) – киносъемка отдельных объектов, производимая так, что при воспроизведении их на экране они получаются очень большими, занимают до половины его площади» (Там же, 1, 524).

«~ **Зондировать почву** – предварительно разведывать, разузнавать что-л.» (Там же, 447).

Анализируя особенности лексикографического описания составных терминов и одноименных фразеологизмов, стоит отметить точку зрения Е. В. Великановой по данной проблеме. Исследователь рассматривает многокомпонентные терминологические единицы и одноименные фразеологизмы как омонимы. В своей работе Е. В. Великанова, размышляя о создании лексикографического труда, посвященного предметным

фразеологизмам с отвлеченным значением, приводит пример словарной статьи, в которой отражены ее теоретические позиции об отношениях, устанавливаемых между составными терминологическими единицами и производными от них фразеологизмами:

«**Удельный вес** – предметный фразеологизм с отвлеченным значением.

1. *Структура.* Два компонента: компонент отвлеченное существительное *вес*, компонент относительное прилагательное *удельный*. Расположение компонентов контактное. Модель – “словосочетание”. Синтаксическая связь – согласование.

2. *Значение.* Роль, место кого-чего-либо в хозяйстве, в обществе, общественная значимость кого-чего-либо.

3. *Грамматические особенности.* Имеет только форму единственного числа, но все падежные формы.

4. *Синонимия.* Вступает во внешние синонимические отношения. Удельный вес – доля.

5. *Омонимия.* Омонимичен терминологическому словосочетанию. Терминологическое словосочетание *удельный вес* – “отношение веса тела при температуре 0 °С к весу равного объема воды при температуре 4 °С” – употребляется в химии и физике, сохраняет категорию числа. *Периодическая таблица Менделеева отражает, в частности, удельный вес вещества. (Физика в школе. 1991. № 2)... слова приобретали удельный вес в зависимости от того, кто говорит их (Н. Кочин).*

6. *Функционирование.* Встречается в качестве заголовка статей, названия рубрик, полос в газетах и журналах» (Великанова, 2006, 36).

Лексикографические позиции Е. В. Великановой разделяют составители «Словаря фразеологических омонимов современного русского языка», редактором которого является Н. А. Павлова. В работе отмечается, что составные термины и образованные на их базе фразеологизмы являются по отношению друг к другу внешними фразеологическими омонимами

(СФОСРЯ). Приведем примеры презентации анализируемых единиц в данном словаре:

«**Передний план** 1 – (худож.) то, что составляет главное содержание картины, изображается впереди. **Передний план** 2 – первостепенное, первое место. *Номин. Измен. Предм. Сказ. Обст.*» (Там же, 250).

«**Перекаати-поле** 1 – (биол.) степное или пустынное растение, при созревании отрывающееся от корня и перекаатываемое ветром. **Перекаати-поле** 2 – человек, постоянно переходящий, переезжающий с места на место. *Номин. Неизм. Предм. Сказ. Доп. Опред. Пренебр.*» (Там же).

Мы придерживаемся теоретических позиций, согласно которым под фразеологическими омонимами понимаются «идентичные по фонетической (графической) и грамматической структуре единицы, у которых в современном языке отсутствуют внутренние семантические связи» (Жеребило, 2011, 52).

Таким образом, если производящее значение составного термина и производное значение фразеологизма связаны общими семантическими компонентами и ассоциативными отношениями, то в словарях целесообразно представлять одну многозначную языковую единицу, первое значение которой будет прямое терминологическое, а второе – переносное фразеологическое.

Обобщая вышеприведенный лексикографический обзор, еще раз отметим:

1. Общие словари (БАС, СРЯ, СК, СУ и др.), фиксирующие термины, отражают актуализацию той или иной специальной сферы деятельности в жизни людей, а также степень деспециализации терминологических единиц на определенном этапе развития общества.

2. При детерминологизации однокомпонентной языковой единицы в общих словарях, как правило, закрепляется многозначная лексема с двумя значениями (прямым и переносным), которые зафиксированы под отдельными номерами. Однако в некоторых случаях переносное

оттерминологическое значение указывается после специального знака ||, который выделяет смысловые оттенки значения.

Отметим, что в результате исторических процессов, происходящих в языке, возможно постепенное стирание семантической связи между прямым (терминологическим) и переносным значениями единицы, что приводит к образованию двух омонимов.

3. Дискуссионный статус составных терминов получает отражение в лексикографических трудах на уровне отбора и квалификации материала, а также при описании его параметров. Таким образом, выражаются различные теоретические позиции авторов и составителей словарей относительно понимания объема фразеологии.

4. Лексикографическая практика показывает разные подходы относительно вопроса о характере отношений между составными терминами и образованными на материале данных единиц фразеологизмами.

5. Несмотря на многочисленные разногласия, существующие в описании составных терминов, исследователи едины во мнении, что данные языковые единицы являются одним из наиболее значимых источников обогащения фразеологии и – шире – экспрессивных ресурсов языковой системы.

### **1.3. Источники экспрессивности терминологических и оттерминологических единиц в художественном тексте**

Во многом уникальность художественного текста заключается в его способности оказывать влияние на реципиента путем сообщения определенной информации. Таким образом, язык художественной литературы как средство коммуникации формирует в воображении адресата определенный комплекс представлений, эстетически воздействуя на эмоциональную, волевою, ценностную сферы личности читателя. Данная способность определяется такой значимой характеристикой текста, как экспрессивность. Стоит обратить внимание, что в лингвистической

литературе существует разное толкование данного термина. Это связано с многоаспектностью понятия «экспрессивность» и сложностью его структуры.

Так, например, В. И. Шаховский понимает под экспрессивностью «целенаправленное усиление высказывания различными языковыми средствами, рассчитанное на определенную реакцию адресата, т.е. на желаемое воздействие от сказанного» (Шаховский, 1987, 58). Однако согласно данному определению термины «экспрессивность» и «интенсивность» отождествляются.

Л. А. Киселева отмечает, что экспрессивность обусловлена образностью, интенсивностью (действия или признака) и новизной (Киселева, 1973). Однако экспрессивная речь не всегда бывает образной. Кроме того, вышеуказанная точка зрения не отражает весь спектр анализируемого понятия.

Мы считаем целесообразным рассматривать экспрессивность как качество выразительности речи, которое характеризуется тем, что имеет свои репрезентанты в сфере оценки, эмоциональности и интенсивности (Галкина-Федорук, 1958; Меликян, 2012; Телия, 2003), что, в свою очередь, позволяет реализовать воздействующую силу высказывания, т.е. прагматическую функцию. Такая точка зрения, по нашему мнению, наиболее точно раскрывает содержание анализируемого термина.

Для рассмотрения вопроса о соотношении экспрессивности с оценочностью, эмоциональностью и интенсивностью необходимо более подробно рассмотреть данные понятия.

Так, категория *оценочности* служит для выражения реакции адресанта на существующую ситуацию. «В общеязыковом плане оценка подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений и характеризуется особой структурой – модальной рамкой, которая накладывается на высказывание и не равна ни его логико-семантической, ни синтаксической структуре» (Меликян, 2012, 66).

В семантической структуре единиц языка принято различать субъективный и объективный оценочные компоненты: «Важнейшей особенностью оценки является то, что в ней всегда присутствует субъективный фактор, взаимодействующий с объективным. Оценочное высказывание, даже если в нем прямо не выражен субъект оценки, подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом» (Вольф, 1985, 22). Объективный компонент оценки опирается на собственные признаки и свойства предметов или явлений, на основании которых дается оценка. Субъективный компонент, в свою очередь, обуславливается положительным или отрицательным отношением субъекта оценки к ее объекту (Там же).

Рациональная (объективная, интеллектуальная) оценка ориентируется на социальные стереотипы и реализуется в оценочном суждении. Эмоциональная (субъективная) оценка наделена экспрессивностью и обычно выражена междометиями или аффективными словами (Меликян, 2012).

**Эмоциональность** – это свойство или состояние психики, наполненное эмоциями, под которыми понимается «особая форма выражения отношения человека к явлениям окружающей действительности, обусловленная их соответствием или несоответствием потребностям человека» (Психология, 1962, 384). Таким образом, эмоциональность можно рассматривать как психологическую направленность адресанта в процессе коммуникации.

Говоря об эмоциональности, также стоит раскрыть понятие **эмотивности**, которое представляет собой «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых средств социальные и индивидуальные эмоции» (Шаховский, 1987, 24).

Оценочность и эмоциональность способны выражаться в различной степени. При этом мерой их проявления выступает категория **интенсивности**. Традиционно данный термин понимается как «семантическая категория, в основе которой лежит понятие градации количества в широком смысле этого

слова. Интенсивность есть количественная мера оценки качества, мера экспликативности, есть показатель содержания коммуникации» (Туранский, 1991, 7).

Отметим, что «шкала интенсивности существует как в сознании говорящего, так и в сознании слушающего. Разметка на этой шкале носит субъективный характер, так как в ее основе – восприятие и оценка индивида или группы. Она в обязательном порядке включает понятие ординарного – коллективно-субъективного представления о нейтральном, исходном, обычном, того, что является точкой отсчета. Отклонение от ординарного воспринимается как необычное, интенсифицированное или деинтенсифицированное» (Меликян, 2012, 72).

Экспрессивность, в свою очередь, представляет собой «выразительность речи как результат функционирования в тексте категорий оценочности, эмоциональности и интенсивности» (Там же, 74).

Оценочность, эмоциональность и интенсивность являются семантическими категориями. В свою очередь, экспрессивность представляет собой функцию языка. Она имеет косвенное отношение к семантическому аспекту языка посредством выражения вербализаторов оценочности, эмоциональности и интенсивности (Там же).

Экспрессивный эффект восприятия текста во многом определяется экспрессивными компонентами художественного произведения: «Экспрессивность текста как единица высшего уровня не может не опираться на экспрессивность единиц других уровней, то есть текст экспрессивен, если экспрессивны его составляющие разных уровней» (Литвин, 1987, 36).

Так, экспрессивность художественного текста основывается на соотношении эмотивных языковых средств с различными когнитивными процессами. При этом экспрессивность языковых средств является имманентной текстовой характеристикой, которая возникает в процессе создания текста. Таким образом, эмотивность, представляющая собой непосредственную характеристику языковых средств, служащих для

усиления эмоциональности текста, является ядром его общей экспрессивности (Меликян, 2012).

Одним из значимых источников экспрессивной функции художественного текста могут быть термины. В связи с тем, что экспрессивность всегда соотносится с нейтральным изложением, вышеуказанный факт часто определяет высокий эстетически воздействующий эффект, реализующийся при употреблении термина с целью создания экспрессивности.

Отметим, что термин как источник экспрессивности художественного текста необходимо рассматривать в двух планах: 1) термин как источник образования экспрессивной оттерминологической единицы; 2) сам термин как источник экспрессивной функции языка.

Одним из наиболее значимых источников экспрессивности оттерминологических единиц в большинстве случаев является образность.

Традиционно под образностью понимается «способность языковых единиц создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности» (Маслова, 2001, 44). Несовпадение конкретного и переносного восприятия лексемы лежит в основе образности. Такое внутреннее противоречие абстрактного и конкретного и является источником экспрессивности (Мокиенко, 1989).

Образность оттерминологических единиц реализуется как за счет метафорического (перенос по сходству), так и за счет метонимического (перенос по смежности) типов переосмысления.

Традиционно под метафорой понимается отношение между предметно-логическим и контекстуальным значениями, которое основано на сходстве признаков двух понятий (Гальперин, 1958). Одним из необходимых условий реализации метафоры является контекст, в котором одни элементы в сочетании с другими могут выступать только в одном предметно-логическом значении, в результате чего уточняется компонент текста, заключающий в себе метафору.

В. Н. Телия обращает внимание на тот факт, что для продуктивности метафоры значимую роль играет ее антропометричность, которая заключается в том, что сам выбор основы для метафоры непосредственно связан с умением людей соотносить все новое по своему образу и подобию, а также по объектам, которые воспринимает человек в процессе своей практической деятельности (Телия, 1988).

Одним из условий создания метафоры на основе термина является тот факт, что «метафора – необычное употребление слова – не уничтожает обычное, более постоянное значение слова-термина, метафора – новое увиденное в термине» (Волошина, 1986, 10). Удаленность сравниваемых понятий определяет неожиданные образы, которые создаются при стилистическом использовании терминологических единиц. (Там же).

Приведем примеры оттерминологических единиц, основанных на метафоре: *атмосфера* – «окружающие условия, обстановка», прям. зн. – «газообразная оболочка Земли и некоторых других планет» (СРЯ, 1, 50); *сводить к нулю* – «лишать что-либо всякого смысла, делать напрасным, безрезультатным», прям. зн. – «приводить к постоянному значению, равному нулю» (СФОСРЯ, 262).

Базой для образности оттерминологических единиц может служить метонимический тип переосмысления терминов. Однако данный способ образования анализируемых единиц менее продуктивный, чем метафоризация специальных единиц.

В лингвистической литературе существуют различные толкования понятия метонимии. Одни исследователи под метонимией понимают перенос названия на основе смежности понятий. Некоторые лингвисты значительно шире определяют значение данного термина, понимая под метонимией «замену одного названия предмета другим названием по отношениям, которые существуют между этими двумя понятиями» (Гальперин, 1958, 130). Второе определение, являясь очень широким, позволяет рассматривать под метонимией различные случаи замены одного понятия другим. Так,

например, «замену причины следствием, или целого частью, или конкретного абстрактным можно соответственно этому определению подвести под метонимию» (Гальперин, 1958, 130). И. Р. Гальперин под метонимией понимает «отношение между двумя типами лексических значений – предметно-логического и контекстуального, основанное на выявлении конкретных связей между предметами» (Там же).

Приведем пример оттерминологической единицы, основанной на метонимии: *детский сад* – «дети, посещающие данное заведение», прям. зн. – «дошкольное воспитательное учреждение для детей от 3 до 7 лет» (СК, 255).

Как уже было отмечено ранее, термины выполняют номинативно-описательную функцию. Деспециализированные единицы, попадая в контекст художественного произведения, могут становиться источниками экспрессивной функции, однако это не означает, что такая характеристика будет совпадать для каждой такой единицы. При этом для оттерминологических единиц, характеризующихся переносным значением, экспрессивная функция, как правило, становится основной.

Отметим, что при образном метафорическом и метонимическом переосмыслении анализируемые единицы выражают различные оценки, вариации которых могут быть многообразны по своей предметной направленности и эмоциональности.

При этом для оттерминологических единиц, основанных на метафоре, характерна более яркая оценка, в отличие от анализируемых слов и оборотов, переосмысленных метонимически. Стоит отметить, что часто оценка оттерминологической единицы с переносным значением является узуальной, т.е. закрепленной уже в самой семантике лексемы или устойчивого оборота. Таким образом, узуальная оценка, которая опирается на общеязыковые ассоциативные связи, представляет собой постоянный компонент значения языковой единицы.

Так, в «Словаре фразеологических омонимов современного русского языка» оттерминологические единицы, основанные на метафорическом

переносе, зафиксированы как с положительной или шутовой (с оттенком легкой иронии) оценкой: *первый сорт (первого сорта)* – «превосходный, отличный, очень хороший» *одобрит.* (СФОСРЯ, 248); *вещь в себе* – «скрытный, непонятный для окружающих человек» *шутл.-ирон.* (Там же, 201); так и с различными оттенками отрицательной оценки: *игра в одни ворота* – «предприятие с пользой для себя» *неодобр.* (Там же, 225); *второго сорта* – «такой, который, по мнению кого-либо, не имеет одного или многих высоких качеств» *пренебр.* (Там же, 206); *колорадский жук* – «лицемерный, хитрый, коварный человек» *презр.* (Там же, 230). Таким образом, вышеприведенные оттерминологические фразеологизмы, основанные на метафоре, приобрели широкий объем предметной отнесенности, и вместе с этим их понятийное содержание получило эмоционально-экспрессивную окрашенность.

Особо стоит отметить оттерминологические единицы, используемые в качестве бранных слов или в составе бранных выражений, которые, как правило, в словарях сопровождаются соответствующей пометой *бранно*: *холера* в значении «о том, кто или что вызывает гнев, раздражение какими-л. свойствами, качествами, действиями» (СК, 1449); *чума* в значении «о человеке крайне неприятном или опасном для окружающих» (Там же, 1486); *В дышло тебе (вам, ему и т.п.)* в значении «проклятие в чей-л. адрес, недоброе пожелание кому-л.» (Мокиенко, Никитина, 2007, 220) и др. Несмотря на то, что вышеперечисленные единицы выходят за нормы литературного языка, они могут являться важными компонентами языка художественной литературы. Повышая общую экспрессивность текста, данные языковые единицы не только выражают негативное отношение автора или героев художественных произведений к тем или иным реалиям окружающей действительности, но и дают яркие речевые характеристики персонажам, отражают их социальный статус.

В процессе создания текста писатель посредством использования оттерминологических единиц, основанных на метафорическом или

метонимическом переосмыслении, может также выражать оценку, которая изначально не закреплена за словом или оборотом, т.е. реализуется окказиональная оценка, основанная на индивидуальных авторских ассоциациях.

Так, оттерминологическая единица *дипломатия*, переносное значение которой определяется как «тонкий расчет, осторожность в действиях, направленных к достижению какой-л. цели» (СК, 260), в художественном тексте используется с ярко выраженной неодобрительной оценкой: – *Да ты уж меряй не таясь! Ну что ты дипломатию со мной разводишь?* /М. Шолохов. Поднятая целина/.

Анализируемое понятие в приведенном контексте приобрело негативный оттенок в семантике, а лексема, обозначающая данное понятие, стала функционировать, таким образом, как языковая единица с отрицательной оценочностью.

Отметим, что образность художественного текста, а соответственно, и экспрессивность также могут реализовываться посредством употребления терминологических единиц в составе сравнений (*ржать косячным жеребцом, переть как на приваду, делать как автомат, глаза [черные] как антрацит, кормить как на убой*). Таким образом, в данных контекстуальных условиях термин становится источником экспрессивной функции художественного текста.

В. М. Мокиенко объясняет экспрессивный эффект, создаваемый терминами в составе сравнений, следующим образом: «Экспрессия сравнений основана прежде всего на том, что их образы черпаются из наиболее актуальных и традиционных сфер жизни и деятельности человека» (Мокиенко, 2003, 3). Исследователь отмечает, что для того, чтобы образ был ярким, он должен быть актуальным (общепонятным) и зримым. Именно этим, по мнению ученого, объясняется тот факт, что ядро многих сравнений составляют образы производственной деятельности человека (Там же).

Стоит отметить, что при использовании термина в составе сравнения происходят значительные изменения в его семантике. Так, Н. Г. Благова отмечает: «На наш взгляд, слова (в том числе и термины) в составе сравнений претерпевают определенный семантический сдвиг... в ряде случаев это может быть осложнение прямого номинативного значения кругом представлений и ассоциаций, в других случаях – сужение или почти полная нейтрализация прямого номинативного значения и замена его ассоциативными признаками и эмоционально-экспрессивными оттенками» (Благова, 1976г, 109). Таким образом, номинативное значение терминологической единицы в той или иной степени нейтрализуется. Это связано с тем, что «при ознакомлении с информацией основную роль выполняют слова, являющиеся выражением объекта сравнения. Слова, являющиеся выражением образа сравнения, служат для актуализации дополнительных оттенков значения, т.е. коннотаций» (Шамсиддинов, 1984, 77). Термин в составе сравнения реализует не все элементы понятия, а только те, которые характеризуют сравниваемый объект. Таким образом, вся семантика лексемы или устойчивого оборота при употреблении их в сравнении не актуализируется.

Посредством использования термина в составе сравнения автор текста также получает возможность давать яркую – как положительную, так и отрицательную – оценку сравниваемому объекту. При этом выражение оценки данного объекта зависит от отношения в общественном, а иногда в индивидуально-авторском сознании к понятию, посредством которого реализуется сравнение.

Отметим, что экспрессивность терминологических единиц может реализовываться за счет изменений в морфологической структуре термина (компонента составного термина). В данном случае имеются в виду морфологические преобразования, представляющие собой прибавление к первичной структуре термина суффиксов субъективной оценки.

Так, например, суффиксы мужского рода *-ок/-ик/-чик* и суффиксы женского рода *-к(а)/-очк(а)* могут наделять существительные следующими оценочными оттенками значений: *уменьшительно-ласкательным, ласкательным, реже уменьшительно-уничижительным*; суффикс *-ишк* существительным всех родов придает оттенки *пренебрежительности, уничижительности, реже ласкательности*; существительные мужского и женского рода с суффиксом *-ин(а)* имеют дополнительное *увеличительное* значение и т.д. (Русская грамматика, 1980, 1, 208–210).

Таким образом, эмоционально-экспрессивная оценка терминологических единиц может определяться их морфологической структурой. Как правило, в художественном тексте анализируемые единицы используются в прямой речи героев произведений. Приведем примеры использования в художественном тексте экспрессивных терминов с особой морфологической структурой: *...куда, к черту, годится человек, если малейшая **невралгика** может выбить его совершенно из седла* /М. А. Булгаков. Морфий/; *Позвольте-ка **пульсик*** /М. А. Булгаков. Блаженство/ (примеры заимствованы из диссертации Е. В. Панаевой).

Языковые единицы с суффиксами субъективной оценки, сохраняя свое номинативное значение, вместе с этим являются средством речевой характеристики персонажей, выражают их отношение к различным реалиям действительности, усиливая, таким образом, экспрессивность художественного текста.

Итак, терминологические и оттерминологические единицы могут быть эстетически значимыми компонентами художественного текста, являясь одним из важных источников его экспрессивности. При этом высокий экспрессивный эффект анализируемых единиц часто реализуется на контрасте с нейтральным использованием терминов в пределах специальной сферы употребления, которые в данных условиях лежат вне экспрессии.

Употребление терминологических и оттерминологических единиц в качестве источника экспрессивности художественного текста, как правило,

связано с интенцией автора выразить как положительное, так и отрицательное отношение к изображаемым событиям, предметам, людям, указать на особые свойства или качества, характерные для объекта описания. Кроме того, анализируемые единицы могут служить средством речевой характеристики героя художественного произведения.

При этом основные механизмы реализации экспрессивной функции оттерминологических и терминологических единиц и других слов или устойчивых словосочетаний не имеют принципиальной разницы: метафорическое и метонимическое переосмысление, использование в составе языковых средств, реализующих компаративную семантику, особая морфологическая структура (суффиксы субъективной оценки).

### **Выводы к главе 1**

1. Анализ лингвистических концепций позволяет выделить следующие категориальные характеристики терминологических единиц: 1) специфичность употребления; 2) системность; 3) наличие дефиниции; 4) тенденция к моносемичности; 5) отсутствие модальности и экспрессивности; 6) стилистическая ограниченность. Все названные свойства термина реализуются только внутри его тематического терминологического поля.

Термины под влиянием определенных факторов могут переходить в общеупотребительный язык. Данный процесс характеризуется двумя этапами: *деспециализация* (функционирование специальных единиц в неспециальном тексте при сохранении основного значения) и *детерминологизация* (переход специальной единицы в общелитературный язык, который сопровождается расширением семантического объема единицы и формированием нетерминологического (переносного) значения). Таким образом, на основе термина возможно образование новой экспрессивной единицы.

Деспециализированные единицы в неспециальных текстах могут служить источником их экспрессивности. При этом для детерминологизированных единиц, характеризующихся переносным значением, экспрессивная функция, как правило, становится основной, за исключением тех случаев, когда в результате исторического развития у детерминологизированного слова или словосочетания происходит стирание образности.

Термины могут являться производящей базой как для одноименных экспрессивных единиц, так и для экспрессивных единиц, различающихся с ними по структуре.

Образование на основе терминов новых слов и словосочетаний представляет собой *терминологическую деривацию*, которая подразделяется на *семантическую* (образование одноименной с производящим термином единицы) и *структурно-семантическую* (образование единицы, отличающейся по структуре с производящим термином). При этом такие языковые единицы в настоящем исследовании предлагается называть *оттерминологическими*.

2. Переход терминологической единицы в общеупотребительный язык фиксируется в общих лексических и фразеологических словарях.

Дискуссионный статус составных терминов получает отражение в лексикографических трудах на уровне отбора и квалификации материала, а также при описании его параметров. Таким образом, выражаются различные теоретические позиции авторов и составителей словарей относительно понимания объема фразеологии.

Лексикографическая и фразеографическая практика отражает разные подходы относительно вопроса о характере отношений между составными терминами и образованными на материале данных единиц фразеологизмами: 1) составной термин фиксируется как многозначная единица с прямым терминологическим значением и последующим переносным

фразеологическим значением; 2) составной термин и производный от него фразеологизм приводятся как омонимы.

3. Высокий экспрессивный эффект оттерминологических и терминологических единиц часто реализуется на контрасте с нейтральным использованием терминов в пределах специальной сферы употребления, которые в данных условиях лежат вне экспрессии.

Основные способы реализации экспрессивной функции оттерминологических единиц и терминов и других слов и устойчивых словосочетаний совпадают: метафорическое и метонимическое переосмысление, использование в составе языковых средств, реализующих компаративную семантику, особая морфологическая структура (суффиксы субъективной оценки).

## ГЛАВА 2. ОТТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. ШОЛОХОВА: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Особый статус оттерминологических единиц и терминов (выступающих в качестве источника экспрессивности художественного текста) дает богатый материал для их типологии. В результате разностороннего исследования нами описаны классификации, при которых анализируемые единицы можно параметризовать по трем критериям: идеографическому (понятийно-тематическому), структурно-семантическому и территориальному.

Цель разработки данной типологии состоит в выявлении интра- и экстралингвистических характеристик рассматриваемых оттерминологических и терминологических единиц, представленных в художественных произведениях М. Шолохова.

### 2.1. Классификация оттерминологических и терминологических единиц по идеографическому критерию

Одним из критериев описания анализируемых оттерминологических единиц и терминов является идеографический признак. Таким образом, данные единицы мы распределяем по областям знаний или отраслевым терминосистемам, которые являются для них сферами-источниками и вместе с этим относят их к определенным тематическим группам.

Самая многочисленная группа рассматриваемых единиц соотносится с **военной терминосистемой** (тематической группой «Война») (около 27 % единиц).

В данной группе выделяем следующие тематические подгруппы:

1) названия воинских подразделений: *эскадрон, дивизия, отряд* и др. – *Разномастные лошади попирали копытами мягкую степную землю, но*

*грохочущий цокот конских копыт был почему-то гулок и осадист, словно эскадроны шли по разостланным листам железа /М. Шолохов. Поднятая целина/; Завидя на противоположном скате балки пасшихся быков, Любишкин разделил свой немногочисленный **отряд** надвое /М. Шолохов. Поднятая целина/;*

2) названия военных команд: *смирно, отставить, шагом-арш* и др. – *Макар не мог стерпеть такого безобразия, он крикнул в темноту: «Отставить!..» – и с яростью захлопнул окошко, вполголоса ругаясь /М. Шолохов. Поднятая целина/; Я тебе, поганец, велю уйтить отселя. **Шагом-арш!** Дед взмахивал костылем и подступал к Митьке, нетвердо переставляя высохшие в былку ноги /М. Шолохов. Тихий Дон/;*

3) названия военнослужащих, обладающих различными воинскими званиями и должностями: *генерал, командир, военачальник* и др. – *Это было в представлении Макара до некоторой степени похожим на то, как если бы после доподлинного генерала, поправляя его, вдруг заговорил какой-нибудь захудалый отделенный командир, к тому же еще заика /М. Шолохов. Поднятая целина/;*

4) названия и характеристики боеприпасов, военного оружия и его составляющих: *кремневое ружье, винтовка, штык, шрапнель, клинок, пулемет, шашка, сабля, калибр, ударник, порох, разнокалиберный, бронебойный, боек* и др. – *У Листницкого в стеклах пенсне **шрапнелью** дробятся, преломляясь, солнечные лучи /М. Шолохов. Тихий Дон/; А затем перехожу к вашему товариществу. **Калибра** оно мелкого, слабосильное, и дела его через это очень даже плачевные /М. Шолохов. Поднятая целина/;*

5) названия действий и явлений при стрельбе из огнестрельного оружия: *выстрел, осечка, пачечная стрельба, расстрелять обойму, брать на прицел* и др. – *А жена у меня, как бы тебе сказать, вроде немецкого автоматчика: если зарядит что – не кончит, пока все **обоймы** не **порасстреляет**, и тоже норовит нахрапом брать /М. Шолохов. Они*

сражались за Родину/; – *Разуйте его, бабы! Выкрики захохотали, как беспорядочная **пачечная стрельба***. /М. Шолохов. Тихий Дон/;

б) названия военных действий: *бить отбой, выйти на линию огня, бомбардировать, атака, идти в атаку, наступление, идти на сближение, оборона, сопротивление* и др. – *Вспомнил и улыбнулся далекому прошлому и тотчас подумал: «Нет, мне с этим “противником”, Варюхой, **“идти на сближение”** не годится»* /М. Шолохов. Поднятая целина/; *Аксинья выбежала рысью, вслед **бомбардировал** ее старик гулками басовыми раскатами: – Дура баба! Дура баба! Дура!* /М. Шолохов. Тихий Дон/;

7) названия специальных мест расположения военнослужащих: *окопчик, НП (наблюдательный пункт), секрет, позиция, правый фланг. – А у вас, товарищ старшина, **НП (наблюдательный пункт)** подходящий, прямо как у генерала.* /М. Шолохов. Они сражались за Родину/; *Полз он долго, почти не поднимая головы; полз как в разведке к вражескому **секрету**, как тогда, на германском фронте, когда около Стохода снял немецкого часового* /М. Шолохов. Тихий Дон/;

8) названия видов воинской службы: *сверхсрочная служба, караульная служба, действительная служба – На нем ловко сидела сильно поношенная бобриковая куртка, туго перетянутая солдатским ремнем; аккуратно заштопанные и залатанные защитного цвета штаны и старенькие сапоги, по самый верх голенищ покрытые серой коркой грязи, тоже, как видно, дослуживали **сверхсрочную службу** у своего владельца* /М. Шолохов. Поднятая целина/.

Также в художественных произведениях М. Шолохова мы выделяем анализируемые единицы, не относящиеся к вышеназванным подгруппам: *противник, тактика, амуниция, военное искусство, строй, конный строй, кавалерия, выйти из строя, команда, марш, парад, смотр, учение, броня* и др. – *Повторялось то, что было весной во время отступления повстанцев на левую сторону Дона: во всех направлениях по степи тянулись нагруженные*

*домашним скарбом арбы и брички, шли табуны ревущего скота, словно кавалерия на марше – плыли гурты овец... /М. Шолохов. Тихий Дон/.*

Следующая группа рассматриваемых языковых единиц соотносится с **сельскохозяйственной терминосистемой** (тематической группой «Сельское хозяйство») (около 41,5 % единиц). Данная группа подразделяется на две подгруппы:

1) земледелие: *борозда, борозденный бык, плуг, лемеш, чернозем, почва, пахота, целина, чигирь, в супряге* и др. – *Ты гляди, как народ разделили, гады! Будто с плугом проехались: один – в одну сторону, другой – в другую, как под лемешом /М. Шолохов. Тихий Дон/;*

2) животноводство: *гурт, отара, стадо, валух, овца, овчинка, боров, вол, бугай, приплод, производитель, каракуль, каракулевый, поярчатый, мездра, убой, подножный корм, ярмо, аркан, тавро, выгон, отроиться* и др. – *Дон и синеющая грядуха меловых гор, словно скученная отара овец. /М. Шолохов. Коловерть/; Пока не нажил своего приплоду, до тех пор и не лежит у вас душа к родительским страданиям /М. Шолохов. Семейный человек/.*

Особую роль в произведениях писателя играют оттерминологические и терминологические единицы, относящиеся к **коневодческой терминологии** (около 22 % единиц). Несмотря на то, что данные единицы соотносятся с подгруппой «Животноводство» (тематическая группа «Сельское хозяйство»), в нашей работе мы их рассматриваем как отдельную тематическую группу в связи с тем, что большинство художественных произведений М. Шолохова посвящено донскому казачеству, в жизни которого коневодство играло одну из наиболее значимых ролей. Данную группу мы, в свою очередь, подразделяем на восемь подгрупп:

1) названия окраски лошади: *гнедая масть, вороная масть, гнедой, вороной* и др. – *Носил в левом ухе серебряную полумесяцем серьгу, до старости не слиняли на нем вороной масти борода и волосы, в гневе доходил до беспамьяства и, как видно, этим раньше времени состарил свою*

когда-то красивую, а теперь сплошь опутанную паутиной морщин, дородную жену /М. Шолохов. Тихий Дон/; Припало в паре стоять с Никифором Мещеряковым, – был такой казачок в нашей сотне Тепикинской станицы, – а он, дьявол, какой-то **гнедой масти**. /М. Шолохов. Тихий Дон/;

2) названия способов передвижения лошади: *идти рысью, рысить, пойти наметом, побезжка* и др. – *Аксинья, морщась, выжала юбку, подхватила на плечи мешок с уловом, почти **рысью** пошла по косе* /М. Шолохов. Тихий Дон/; *Он зараз верст на десять **наметом** пойдет. Видал, как он маханул по подсолнухам! Откуда при таких случаях и резвость у человека берется, даже удивительно мне* /М. Шолохов. Поднятая целина/; *Зарю вышла из шалаша Дунятка помету сухого собрать на топку. Григорий **рысью** от база бежит* /М. Шолохов. Пастух/;

3) названия частей конской сбруи и снаряжения: *хомут, подкова, возжжи, ухналь* и др. – *Но мысля проверить его следы застряла у меня в голове, как **ухналь** в **подкове*** /М. Шолохов. Поднятая целина/;

4) названия действий, производимых с частями конской сбруи: *закусить удила, отпустить подпруги, снять узду* и др. – *Но Дуняшка **закусила удила**: она тоже побледнела от негодования и злости и, уже переходя на крик, продолжала...* /М. Шолохов. Тихий Дон/; *Стоило на минуту **снять узду** с услужливой памяти, и перед глазами его вставала живая, улыбающаяся Наталья* /М. Шолохов. Тихий Дон/;

5) названия частей тела лошади: *круп, копыто* и др. – *Падала одна, а потом долго светлел ворсистый след, как на конском **крупе** после удара кнутом* /М. Шолохов. Тихий Дон/;

6) названия групп лошадей, совместно содержащихся на пастбище: *табун, косяк* – *Мишка или сидя дремал в седле, или, валяясь на траве, бездумно следил, как, пасомые ветром, странствуют по небу **косяки** опушенных изморозной белью туч* /М. Шолохов. Тихий Дон/; *Утрами, словно выпущенный **табун** жеребят, взбрыкивая, бежали детишки в школу* /М. Шолохов. Двухмужняя/;

7) названия лошадей по половому критерию: *кобыла, жеребец, мерин* – *Дуняшка, вся в зареве румянца, вскочила с надворья в кухню и с разбегу обхватила Натальины колени. – Бесстыжая! Забыла про нас!.. – Сбесилась, кобыла!* – крикнул притворно-строго на нее отец. – *Большая-то ты какая...* – роняла Наталья, разжимая Дуняшкины руки и заглядывая ей в лицо /М. Шолохов. Тихий Дон/; – *Ну, пошел наш жеребец по жалмеркам! Теперь его только заря выкинет* /М. Шолохов. Тихий Дон/; *А ежели тебе не понятно, почему Кондрат неудостоенный для партии, я тебе категорически поясню, и тогда ты перестанешь ухмыляться, как мерин – на овес глядячи...* /М. Шолохов. Поднятая целина/;

8) названия лошадей по роли в процессе воспроизведения потомства: *косячный жеребец, матка-кобылица* – *Чернобородый казак ржал косячным жеребцом, разевая белозубую пасть, и все хватался за туго перетянувший чекмень красный кушак, словно опасаясь, что от смеха рассыплется* /М. Шолохов. Поднятая целина/; *Осмотрел, как барышник оглядывает матку-кобылицу перед покупкой, подумал: «Хороша» – и встретился с ее глазами, направленными на него в упор* /М. Шолохов. Тихий Дон/.

Не вошли ни в одну из вышеназванных подгрупп следующие анализируемые оттерминологические и терминологические единицы, соотносимые с тематической группой «Коневодство»: *шенкеля, табунный, табуниться, табунить, масть, маштаковатый, сосун, неук, неука, жеребенок, рысак, становиться (подниматься) на дыбы (в дыбки), держать в черном теле, ломовая лошадюка, строевой конь* и др. – *Текучие облака табунились на небе, застили солнце* /М. Шолохов. Тихий Дон/; *Нагульнов понуро опустил голову и тотчас же вскинул ее, как конь, почувствовавший шенкеля; загремел: – Всё порежут!* /Поднятая целина/. *Баб наших табунить будет, организацию промеж них заколачивать* /М. Шолохов. О Колчаке, крапиве и прочем/.

Рассматривая данную тематическую группу, стоит отметить, что лошадь играла значительную роль в жизни донского казака. Это животное

использовалось как в военном деле, так и в сельском хозяйстве. Поэтому некоторые анализируемые слова и словосочетания одновременно соотносятся как с тематической группой «Коневодство», так и с тематической группой «Война»: *гнедая масть, вороная масть, конь, строевой конь* и т.д. В некоторых случаях данный факт может быть отражен в словаре. Так, например, термин *вороной* со значением «имеющий сплошь черную шерсть, черный с лоском или с синеватым отливом (о масти лошади; о лошади этой масти)» (СЯМШ, 248) в «Словаре языка Михаила Шолохова» имеет помету *кон*. Однако в этой же словарной статье после специального символа дается оттенок значения слова уже с пометой *воин*. «отбор лошадей по масти в казачьи кавалерийские сотни» (Там же). При определении лексемы *конь* в «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова указывается принадлежность данной единицы к военной и коневодческой сферам деятельности: «В речи военных, в коннозаводческой практике, а также в поэтической речи: лошадь (обычно о самце)» (СК, 454).

Стоит обратить внимание на тот факт, что в состав военной команды *Рысью марш* включен термин *рысь (рысью)*, обозначающий особый способ передвижения лошади, что, в свою очередь, также позволяет нам говорить о межотраслевом характере терминологической лексемы *рысь* и ее производных.

Помимо вышеперечисленных терминосистем, компоненты которых выступили источником экспрессивности в шолоховских произведениях, также представлены оттерминологические единицы и термины, соотносимые с многими другими терминосистемами (тематическими группами), хотя их количество значительно меньше:

1) **терминология различных сфер искусства** (тематическая группа «Искусство») (около 2,6 % единиц): *сгущать краски, акварель, играть роль, задний план, задать тон, заключительный аккорд, октава, нота, духовая музыка, хор* и др. – *Особенно нравился ему генеральский бас*

*майданниковского петуха, служивший в общем петушином хоре как бы заключительным аккордом /М. Шолохов. Поднятая целина/;*

2) **терминология минералогии** (тематическая группа «Минералогия») (около 2,6 % единиц): *кремневые породы, кремьень, янтарный, антрацит, изумрудный и др. – Ах, какие ребятки там есть! **Кремневой породы.** /М. Шолохов. Тихий Дон/; **Шумя крылами, он упадет на курган, неуклюже ступнет раза два и станет чистить изогнутым клювом коричневый веер вытянутого крыла, покрытую ржавым пером хлупь, а потом дремотно застынет, откинув голову, устремив в вечно синее небо **янтарный, окольцованный черным ободком глаз** /М. Шолохов. Поднятая целина/;***

3) **медицинская терминология** (тематическая группа «Медицина») (около 2,4 % единиц): *куриная слепота, инородное тело, холера, трахома, язва, стригущий лишай, карантин, кровоточить и др. – Кубанцы болеют той же большевистской **трахомой**, которую занесли из прежней российской армии... /М. Шолохов. Тихий Дон/; – Я знаю ваши отношения с Фоминым и другими. Вы среди них – такое же **инородное тело**, как и я /М. Шолохов. Тихий Дон/;*

4) **церковная терминология** (тематическая группа «Церковь») (около 1,8 % единиц): *архиерей, читать акафист, анафема, анафены, анафемский, причастие и др.– Андрей отпихивал баб, затыкал уши, стараясь перекричать их, вопил: – **Замолчите, анафены!** /М. Шолохов. Поднятая целина/; – **Будет тебе ему акафист читать!** /М. Шолохов. Тихий Дон/;*

5) **физическая терминология** (тематическая группа «Физика») (около 1,8 % единиц): *точка опоры, сводить к нулю, по инерции, центробежная сила, размагнититься, накалять напряженно-нервную атмосферу, атмосфера и др. – Мелехов Григорий все дни похода, после того как расстался с братом, пытался и не мог найти в душе **точку опоры**, чтобы остановиться в болезненных раздумьях и вернуть себе прежнее ровное настроение /М. Шолохов. Тихий Дон/; **Решено было в неделю три раза проводить с казаками беседы на политические темы, взводным офицерам***

было вменено в обязанность ежедневно заниматься со взводами гимнастикой и читкой, для того, чтобы заполнить свободное время и вырвать умы казаков из разлагающей **атмосферы** политики. /М. Шолохов. Тихий Дон/;

б) **техническая терминология** (тематическая группа «Техника») (около 1,5 % единиц): *маховик, мотор, деталь, рубильник, адаптер* и др. – *Командир, бывший машинист чугунолитейного завода, такой же медлительный, как первые взмахи маховика, голову бритую приподнял, трубки изо рта не вынимая.* /М. Шолохов. Коловерть /; *И внезапно мысль снова переключалась на Гремячий, будто в мозгу кто-то уверенно передвигал рубильник, по-новому направляя ток размышлений.* /М. Шолохов. Поднятая целина/;

7) **терминология рыболовства** (тематическая группа «Рыболовство») (около 1,5 % единиц): *снулый, сула, дель* и др. – *Край подходит, а ты какой-то, как рыба снулый...* /М. Шолохов. Тихий Дон/; *Лежит Кондрат, как сетную дель, перебирает в памяти прошлое.* /М. Шолохов. Поднятая целина/;

8) **морская терминология** (тематическая группа «Морское дело») (около 1 % единиц): *отдать концы, палуба, боцман, морской узел* – *Как же мне этот морской узел развязать безболезненно? А ведь, пожалуй, Макарто прав: там, где ни руками, ни зубами развязать невозможно, – рубить надо!* /М. Шолохов. Поднятая целина/;

9) **математическая терминология** (тематическая группа «Математика») (около 1 % единиц): *точка зрения, неизвестное, в квадрате* и др. – *Этого вопроса мы с тобой не решим. Это задача на уравнение с двумя неизвестными, а мы с тобой в арифметике и алгебре не сильны. Согласен?* – *Нагульнов долго сидел молча, положив ногу на ногу, глядя на носок пыльного сапога отсутствующими глазами, потом сказал: – Одно неизвестное мне известно...* /М. Шолохов. Поднятая целина/;

10) **транспортная терминология** (тематическая группа «Транспорт») (около 1 % единиц): *спуцать на тормозах, поставить в тупик, дышло, давать задний ход – И все это из-за каких-то овец, курей, пропади они пропадом! Да из-за того, что пристрацал несколько штук бывших белых, какие **на тормозах** в колхоз **спуцались*** /М. Шолохов. Поднятая целина/;

11) **металлургическая терминология** (тематическая группа «Металлургия») (около 1 % единиц): *закалка, старинной ковки, вороненый и др. – Яков Алексеевич – **старинной ковки** человек: ширококостый, сутуловатый; борода как новый просяной веник, – до обидного похож на того кулака, которого досужие художники рисуют на последних страницах газет* /М. Шолохов. Червоточина/;

12) **строительная терминология** (тематическая группа «Строительство») (около 1 % единиц): *стропила, анфилада и др. – Знал бы батя, что у сына подгнили нравственные **стропила...*** /М. Шолохов. Тихий Дон/;

13) **кулинарная терминология** (тематическая группа «Кулинария») (около 0,8 % единиц): *тертый калач, опара и др. – Заслышав мягкий топот конских копыт, Куприяновна вывалилась из будки, как **опара** из макитры, горестно всплеснула руками... /М. Шолохов. Поднятая целина/; В первую минуту, как только Федор заявил об уходе, он сразу понял и учел, что это нанесет его хозяйству здоровенный убыток: во-первых, он потеряет работника, который работает на него, как бык, за кусок хлеба – и только; во-вторых, надо будет или нанимать за большие деньги другого, обувать, одевать его, да, чего доброго, еще (если попадется знающий, **тертый** в этих делах **калач**) и заключить письменный договор с сотней обязательств; а если не нанимать – то самому браться за работу, впрячься в проклятое ярмо, в то время как гораздо приятнее спать на солнышке и, ничего не делая, нагуливать жирок* /М. Шолохов. Батраки/;

14) **биологическая терминология** (тематическая группа «Биология») (около 0,8 % единиц): *правая рука, зачаток, брожение – Среди них началось*

*брожение, как следствие усиленной агитации, которую развернули сторонники большевиков /М. Шолохов. Тихий Дон/;*

15) **лингвистическая терминология** (тематическая группа «Лингвистика») (около 0,8 % единиц): *прошедшее время, восклицательный знак, вопросительный знак – Не докторша, а **восклицательный знак**, ей-богу!* /М. Шолохов. Они сражались за Родину/;

16) **терминология охоты** (тематическая группа «Охота») (около 0,8 % единиц): *скидка, мертвая хватка и др. – Тогда ненависть, **мертвой хваткой** бравшая его за горло, находила выход в бою* /М. Шолохов. Они сражались за Родину/;

17) **спортивная терминология** (тематическая группа «Спорт») (около 0,8 % единиц): *бег на месте, барьер и др. – Пуля заставила его высоко, словно через **барьер**, прыгнуть* /М. Шолохов. Тихий Дон/;

18) **шахматная и шашечная терминология** (тематическая группа «Шахматы и шашки») (около 0,5 % единиц): *сделать лукавый ход, пешка – Давыдов помолчал и **сделал** лукавый ход, добавил: – И никто никогда не узнает!* /М. Шолохов. Поднятая целина/;

19) **слесарная терминология** (тематическая группа «Слесарное дело») (около 0,5 % единиц): *сводить на нет, взять в тиски – Казаки расспрашивали, где был после демобилизации, но Валет отвечал уклончиво, **сводил на нет** опасные разговоры* /М. Шолохов. Тихий Дон/;

20) **столярная терминология** (тематическая группа «Столярное дело») (около 0,5 % единиц): *точить лясы, ослабеть на уторах – А картошку когда же я начищу на такую ораву, ежели буду с тобой **лясы точить?** – спросила Куприяновна* /М. Шолохов. Поднятая целина/.

В художественных текстах писателя также используются единицы, которые не соотносятся ни с одной из вышеназванных терминологических систем (тематических групп): *выморочный (юрид.), первый сорт (торг.), помет (собаковод.)* и др. – *Александр Четвертый испокон века старичишка*

*забурунный, во хмелю дурной, а в трезвом виде человек первого сорта* /М. Шолохов. Путь-дороженька/.

Помимо анализируемых единиц, которые одновременно соотносятся с военной и коневодческой терминосистемами (тематическими группами «Война» и «Коневодство»), в творчестве писателя выделяем оттерминологические единицы и термины, относящиеся сразу к нескольким терминосистемам и, соответственно, к нескольким тематическим группам (около 4,8 % единиц): *точка замерзания (физ., хим.), неустойка (юрид., финанс.), хорал (церк., муз.), экипаж (мор., авиац., воен.), ось (мат., физ.), желчь (мед., биол.), астролябия (астр., геодез.), взрыв (воен., физ.), бацилла (биол., мед.)* и др. – *Вспомнил и улыбнулся далекому прошлому и тотчас подумал: «Нет, мне с этим “противником”, Варюхой, “идти на сближение” не годится. Не по моему возрасту она, не из того экипажа»* /М. Шолохов. Поднятая целина/.

Как правило, такие единицы соотносятся с терминосистемами, которые являются близкими друг для друга. Однако встречаются единицы, относящиеся одновременно к абсолютно разным сферам деятельности. Например, оборот *калмыцкий узел* в прямом терминологическом значении применяется как в морском деле, так и в коневодстве. В романе М. Шолохова «Тихий Дон» данная единица используется переносно и обозначает «установление сложных, запутанных взаимоотношений» (СЯМШ, 875): *С этого дня в калмыцкий узелок завязалась между Мелеховыми и Степаном Астаховым злоба* /М. Шолохов. Тихий Дон/. Однако можно предположить, учитывая специфику произведения и происхождение автора произведения, что метафорическое употребление анализируемого словосочетания в романе «Тихий Дон» определяется его использованием в коневодческой практике.

Проанализировав корпус оттерминологических единиц и терминов, выступающих в качестве источника экспрессивности художественных произведениях М. Шолохова, мы отмечаем, что данные единицы соотносятся с более чем 20 терминосистемами (тематическими группами). Однако

наиболее частотны и регулярны анализируемые единицы, соотносимые с тематическими группами «Война» и «Сельское хозяйство», из которой мы отдельно выделили для рассмотрения оттерминологические и терминологические единицы, относящиеся к коневодческой сфере деятельности.

Наличие в художественных произведениях рассматриваемых единиц, относящихся к разнообразным терминосистемам, отражает уровень образованности писателя, его широкий кругозор, а также знание различных аспектов профессиональной деятельности людей. Данный факт объясняется жизненным путем М. Шолохова, в течение которого он сменил множество профессий, прежде чем окончательно остановился на литературном поприще.

## **2.2. Классификация оттерминологических и терминологических единиц по структурно-семантическому критерию**

Классификация анализируемых оттерминологических и терминологических единиц по структурно-семантическому критерию является достаточно дробной.

Прежде всего, мы распределяем рассматриваемые единицы по количеству компонентов.

Так, в художественных текстах М. Шолохова анализируемые единицы подразделяются на однокомпонентные (около 72 % единиц) (*вожжи, бронбойный, выморочный, бомбардировать* и т.д.) и многокомпонентные (около 28 % единиц) (*калмыцкий узелок, гнедая масть, бить отбой, по инерции* и др.). Число компонентов, входящих в структуру многокомпонентных единиц, варьируется от двух до четырех (*борозденный бык, брать на прицел, попасть на свою борозду*).

Многокомпонентные оттерминологические единицы и термины могут в исследуемом материале быть построены по моделям сочетаний слов и по моделям словосочетаний.

Анализируемые единицы, имеющие модель сочетания слов, являются двухкомпонентными и представляют собой предложно-падежные формы имени существительного. Данные единицы построены по следующим структурным схемам:

1) предлог *по* + существительное в Д.п.: *по инерции* – *Разбитая морально, крымская армия еще агонизировала: части **по инерции** катились к Петрограду, но движение это уже утратило всякий смысл, ибо подходил к концу корниловский путч /М. Шолохов. Тихий Дон/;*

2) предлог *за* + существительное в Тв.п.: *за кормой* – *А ты знаешь, я уже иногда подумывал, приходило на ум частенько, что счастье мое, личное счастье, осталось **за кормой**, в прошлом то есть... /М. Шолохов. Поднятая целина/;*

3) предлог *в* + существительное в П.п.: *в супряге, в квадрате* – *Вот-с! Повторяем **в квадрате-с** /М. Шолохов. Тихий Дон/;*

4) предлог *на* + существительное в П.п.: *на рыси, на рысях* – *...поднял телка на руки и, отогревая его теплом своего дыхания, кутая в полу зипуна, **на рыси** понес в хату /Поднятая целина/.*

Структурные схемы оттерминологических и терминологических единиц, построенных по модели словосочетания, мы рассматриваем в зависимости от количества составляющих их компонентов.

Так, двухкомпонентные анализируемые единицы, имеющие модель словосочетания, образованы по следующим структурным схемам:

1) согласуемый компонент (прилагательное, порядковое числительное, притяжательное местоимение) + существительное в И.п.: *воронья масть, калмыцкий узелок, задний план, куриная слепота, борозденный бык, подножный корм, правая рука, первый сорт, своя борозда* и др. – *Вот ты, не бодрячок, объясни мне: почему немец сядет в какой-нибудь дереvушке, и*

*деревушка-то с чирей величиной, а выковыриваешь его оттуда с великим трудом, а мы иной раз города почти без боя сдаем, мелкой рысью уходим?*  
/М. Шолохов. Они сражались за Родину/;

2) существительное в И.п. + существительное в Р.п.: *точка опоры, точка зрения, точка замерзания, поле боя* и др. – *Не буду ее обругивать и досаждать ей, а буду терпеливо дожидаться мировой революции, которая всех нас – ее врагов мирового масштабу – подведет под точку замерзания*  
/М. Шолохов. Поднятая целина/;

3) существительное в И.п. + существительное в Т.п.: *разведка боем. На сегодня многого не обещаю, буду знакомиться с обстановкой и вести разведку боем, а уж завтра утром накормлю вас всех – во!* /М. Шолохов. Они сражались за Родину/;

4) существительное + существительное в качестве приложения: *мужчина-приводитель, глаза-картечины* и др. – *И это ты, вредная насекомая, мог меня, то есть мужчину-приводителя, так до-смерти напужать?!* /М. Шолохов. Поднятая целина/;

5) глагол + существительное в В.п. без предлога: *сгущать краски, закусить удила, играть роль, бить отбой, задать тон, отдать концы, отпустить подруги, расстрелять обойму, снять узду* и др. – *Неправильно это! Создавали, создавали колхоз, а статья отбой бьет* /М. Шолохов. Поднятая целина/;

6) глагол + примыкающее наречие: *идти (бежать и т.д.) рысью, пойти наметом* и др. – *Зарею вышла из шалаша Дунятка помету сухого собрать на топку. Григорий рысью от база бежит. Догадалась, что случилось что-то недоброе* /М. Шолохов. Пастух/;

7) наречие + наречие: *налево кругом* – *Чего там трогай, налево кругом – и марш домой!* /М. Шолохов. Червоточина/;

8) примыкающее наречие + императивное междометие: *шагом-арш* – *Я тебе, поганец, велю уйтить отселя. Шагом-арш!* /М. Шолохов. Тихий Дон/.

Трехкомпонентные анализируемые единицы имеют следующие структурные схемы:

1) существительное в И.п. + предлог *на* + существительное в П.п.: *бег на месте – Григорий прислушивался к учащенному бою сердца (будто кто-то маленький, но тяжелый, там, в левой стороне груди, делал бег на месте) и сознавал, что владеет им совсем иное чувство при взгляде на этих чужих людей, чем то, которое испытывал он на маневрах, видя «противника» /М. Шолохов. Тихий Дон/;*

2) существительное в И.п. + предлог *с* + существительное в Т.п.: *скачки с препятствиями – И если раньше правил он хозяйством и вел жизнь, как хорошо наезженного коня на скачках с препятствиями, то теперь жизнь несла его, словно взбесившийся, запененный конь, и он уже не правил ею, а безвольно мотался на ее колышущейся хребтине и делал жалкие усилия не упасть /М. Шолохов. Тихий Дон/;*

3) глагол + предлог *в* + существительное в В.п.: *поставить в тупик, пойти в атаку, идти в наступление (наступ), взять в тиски – Но и более каверзные вопросы никогда не ставили деда Щукаря в тупик /М. Шолохов. Поднятая целина/;*

4) глагол + предлог *на* + субстантивированная модальная частица: *сводить на нет – Казаки спрашивали, где был после демобилизации, но Валет отвечал уклончиво, сводил на нет опасные разговоры /М. Шолохов. Тихий Дон/;*

5) глагол + предлог *на* + существительное в В.п.: *брать на прицел, идти на разведку, ставить на карту, становиться (подняться) на дыбы, идти на сближение и др. – Надо взять его на прицел и присмотреться к нему как следует /М. Шолохов. Поднятая целина/;*

6) глагол + предлог *из* + существительное в Р.п.: *выйти из строя – После победы над большевиками обескровленная гражданской войной Россия надолго выйдет из строя великих держав, и в течение ближайших*

десятилетий восточным владениям Британии уже ничто не будет угрожать /М. Шолохов. Тихий Дон/;

7) глагол + предлог *к* + существительное в Д.п.: *сводить к нулю* – *В будущих войнах роль кавалерии сведется к нулю* /М. Шолохов. Тихий Дон/;

8) глагол + предлог *на* + существительное в П.п.: *ослабеть на уторах, спущать на тормозах* – *И все это из-за каких-то овец, курей, пропади они пропадом! Да из-за того, что пристращал несколько штук бывших белых, какие **на тормозах** в колхоз **спущались*** /М. Шолохов. Поднятая целина/;

9) глагол + согласуемый компонент (прилагательное) + существительное в В.п.: *дать задний ход*. *Куда ни сунусь – нету выхода, да и шабаш! А задний ход дать – не соображаю, уперся головой в кирпич, лежу. Кругом горелым воняет... «Ну, думаю, вот она и смерть моя пришла, не иначе снарядом завалило»* /М. Шолохов. Они сражались за Родину/;

10) глагол + предлог *в* + существительное в П.п.: *идти в цепе*. – *Ты, Давыдов, глупость сотворяешь! Ты им работу поставь на ноги и мотай назад. Это, брат, не диво, пахать-то. Хороший командир не должен **в цепе идти**, а должен умно командовать, вот что я тебе скажу!* /М. Шолохов. Поднятая целина/;

11) глагол + предлог *через* + существительное в В.п.: *перелезть через борозду* – *Все время на краю смерти ходишь, ну и **перелезешь** иной раз **через борозду*** /М. Шолохов. Тихий Дон/;

12) глагол + предлог *за* + существительное в В.п.: *залезть за борозду* – *Пуцай **за борозду** не залазит, а то он скоро и до отца доберется!* /М. Шолохов. Червоточина/.

Также выделяем структурные схемы четырехкомпонентных оттерминологических единиц и терминов, построенных по модели словосочетания:

1) существительное + предлог *с* + согласуемый компонент (числительное) + существительное в Т.п.: *уравнение с двумя неизвестными* – *Этого вопроса мы с тобой не решим. Это задача на **уравнение с двумя***

*неизвестными, а мы с тобой в арифметике и алгебре не сильны. Согласен?*

/М. Шолохов. Поднятая целина/;

2) глагол + существительное в В.п. + предлог *на* + существительное в В.п.: *откинуть копыта на сторону – Возьмет и, потехи ради, саданет тебя молоньей в лысину, вот и ложись, Щукарь, откидывай копыта на сторону*

/М. Шолохов. Поднятая целина/.

3) глагол + предлог *в* + согласуемый компонент (прилагательное) + существительное в П.п.: *держат в черном теле – Казачьи офицеры были на задворках, держались в черном теле, движение по службе было слабым, и для преобладающей части офицерских кадров чин войскового старшины был последним; этим обстоятельством, по его словам, и объяснялась инертность казачьих верхушек в момент низвержения самодержавия*

/М. Шолохов. Тихий Дон/;

4) глагол + предлог *на* + согласуемый компонент (притяжательное местоимение) + существительное в В.п.: *попасть на свою борозду – Ты, Гришатка, до се себя не нашел. – А ты нашел? – спросил Григорий. – ...Нашел. Я на свою борозду попал. С нее меня не спихнешь! /М. Шолохов. Тихий Дон/;*

5) глагол + предлог *на* + существительное в В.п. + существительное в Р.п.: *выйти на линию огня – Он пока **выйдет на линию огня**, всю душу из нас вымотает! О господи, послали же такого торопыгу. К утру он, может, и доползет до сеней... /М. Шолохов. Они сражались за Родину/;*

б) предлог *из* + существительное в Р.п. + отрицательная частица *не* + глагол: *из хомута не вылазить – А то у тебя у самого дома баба **из хомута не вылазит**, знаем точно! А ты усы распушил, разъезжаешь на конике, народ мутишь. У тебя у самого в хозяйстве – кабы ветер хату не подпирал, она давно бы упала. Учитель нашелся! /М. Шолохов. Тихий Дон/.*

Отметим, что при рассмотрении структурных схем анализируемых нами единиц мы опирались на работу С. С. Лаухиной (Лаухина, 2006).

Все рассматриваемые единицы, используемые в текстах писателя, мы также распределили по частеречной принадлежности.

Так, однословные оттерминологические единицы и термины выражены следующими частями речи:

1) существительным (около 82 % единиц): *гурт, брожение, опара, масть* и др. – *По ночам какие-то дурачьи сны снятся, каких сроду в старое время не видывал, днем одно лихо за другим **вожжою** тянется за тобой...* /М. Шолохов. Поднятая целина/;

2) глаголом (около 7,8 % единиц). При этом стоит отметить, что глагольные лексемы подразделяются на те, которые способны образовывать различные спрягаемые формы (*прижечь, бомбардировать, табуниться* и др. – *Аксинья выбежала рысью, вслед **бомбардировал** ее старик гулками басовыми раскатами...* /М. Шолохов. Тихий Дон/), и на те, которые употребляются только в инфинитиве. В данном случае мы имеем в виду специальную лексему *отставить*, обозначающую военную команду, которая в шолоховском тексте употреблена в переносном значении: *Это было в представлении Макара до некоторой степени похожим на то, как если бы после доподлинного генерала, поправляя его, вдруг заговорил какой-нибудь захудалый отделенный командир, к тому же еще заика. Возмущенный до глубины души, Макар не мог стерпеть такого безобразия, он крикнул в темноту: «**Отставить!**..» – и с яростью захлопнул окошко, вполголоса ругаясь* /М. Шолохов. Поднятая целина/;

3) прилагательным (около 7,8 % единиц) (если употребляются в переносном метафорическом значении, представляют собой метафорические эпитеты): *бронбойный, вороной, гнедой* и др. – *Угощай, не ломайся, а как только Берлин займем, пивом угощу, честное **бронбойное** слово!* /М. Шолохов. Они сражались за Родину/. В связи с тем, что термины-прилагательные по своим семантико-морфологическим свойствам соотносятся с качественными прилагательными, от них, как правило, невозможно образовать краткую форму. Однако в романе «Поднятая целина»

оттерминологическая единица *выморочный* в переносном метафорическом значении может использоваться как в полной, так и в краткой форме: *Стояла на кухне **выморочная** тишина* /М. Шолохов. Тихий Дон/; *Полночь так тиха, так **выморочно** студеное небо в зыбкой россыпи многозвездья, что кажется – мир покинут живым* /М. Шолохов. Поднятая целина/;

4) наречием (около 2,4 % единиц): *залпом, наметом, рысью* и др. – *Кривошлыков, опираясь на локоть, рубнул рукой воздух, выпалил несколько фраз **залпом**...* /М. Шолохов. Тихий Дон/; *Бабка Ульяна – буря бурей, не слышится от гневу, ажник бородавка на носу подсигивает. И с места **наметом**: «Ах ты, такой-сякой, разэтакий!»* /М. Шолохов. Поднятая целина/; *Не догадался Мишка, зачем дед кличет, а тут опять про адскую сковородку вспомнил и – **рысью** к деду* /М. Шолохов. Нахаленок/.

Анализируемые многокомпонентные единицы в аспекте частеречной принадлежности представлены в виде следующих типов:

1) субстантивные (около 51,6 % единиц): *воронья масть, калмыцкий узелок, задний план, скачки с препятствиями* и др. – *Собственные переживания у них на **заднем плане**, главное – добраться до вершины, добраться во что бы то ни стало!* /М. Шолохов. Они сражались за Родину/;

2) глагольные (около 44 % единиц): *сгущать краски, закусить удила, поставить в тупик, брать на прицел, спускаться на тормозах* и др. – *Но и более каверзные вопросы никогда не **ставили** деда Щукаря в тупик* /М. Шолохов. Поднятая целина/;

3) адвербиальные (около 2,1 % единиц): *по инерции, в обрез* и др. – *Благодарю вас, нужды нет. Давайте сразу перейдем к делу, времени у меня – **в обрез**. Ротмистр, дайте карту* /М. Шолохов. Поднятая целина/;

4) междометные (около 2,1 % единиц): *шагом-арш, налево кругом – Я тебе, поганец, велю уйтить отселя. **Шагом-арш!*** /М. Шолохов. Тихий Дон/.

Обобщая вышесказанное, отметим, что при классификации оттерминологических и терминологических единиц в соответствии со структурно-семантическим критерием все анализируемые единицы мы

подразделили по количеству компонентов, по соотношению с моделями сочетаний слов или словосочетаний (для многокомпонентных единиц), по частеречной принадлежности. Так, рассматриваемые единицы делятся согласно первому признаку на однокомпонентные и многокомпонентные. По соотношению с моделями сочетаний слов или словосочетаний мы анализируем по объективным причинам только многокомпонентные единицы. Что касается третьего критерия, то здесь мы отдельно рассматриваем однокомпонентные единицы и отмечаем, что они в творчестве М. Шолохова могут являться существительными, глаголами, прилагательными и наречиями. Анализируемые многокомпонентные единицы подразделяются на субстантивные, глагольные, адвербиальные и междометные.

Таким образом, оттерминологические и терминологические единицы, выступающие в качестве источника экспрессивности художественных произведениях М. Шолохова, характеризуются различными структурно-семантическими особенностями, что помогает избежать однообразия в повествовании при образном изображении действительности посредством анализируемых единиц.

### **2.3. Классификация оттерминологических и терминологических единиц по территориальному критерию**

Анализируемые оттерминологические и терминологические единицы, так же как и все остальные единицы языка произведений писателя, можно классифицировать по территориальному критерию. На основе данного критерия их можно разделить на территориально не ограниченные в употреблении и на те, которые имеют территориальные ограничения, или диалектизмы. При этом стоит отметить, что, как правило, территориально ограниченные слова и словосочетания употребляются в произведениях писателя, посвященных донскому казачеству.

Отметим, что некоторые диалектные термины (*борозденный бык, цоб, дель* и др.) зафиксированы в словарях (СЯМШ, СДК) без помет, указывающих на их специальную область применения. Однако вышеуказанные единицы в настоящем исследовании рассматриваются как терминологические в связи с тем, что они в полной мере соответствуют требованиям, которые предъявляются к терминам, в том числе диалектным.

В художественных текстах М. Шолохова в качестве диалектизмов выступило около 8 % рассматриваемых единиц, которые представлены следующими типами: *этнографические, семантические* (иногда употребляется термин «*лексико-семантические*»), *собственно лексические, словообразовательные, грамматические (морфологические), фонетические*, а также *этологическая лексика и фразеология*.

К первому типу относятся диалектизмы, которые не имеют аналогов за пределами диалекта. В связи с тем, что данные единицы в прямом значении называют реалии, специфичные для жизни носителей отдельного диалекта, они относятся к *этнографическим диалектизмам*, или *этнографизмам*: *борозденный бык, строевой конь, в супряге* и др. – *Ну, брат, и у тебя ума, как у твоего борозденного быка, ничуть не больше* /М. Шолохов. Поднятая целина/.

Анализируемые единицы, не вошедшие в группу этнографизмов, так или иначе имеют свои эквиваленты за пределами донского диалекта.

Единицы, употребляемые носителями диалекта и не имеющие ни словообразовательных, ни фонетических вариантов, но обладающие в прямом значении эквивалентами в литературном языке, относятся к группе *лексических диалектизмов*: *намет, идти наметом, макуха* и т.д. – *Макуха, какая жмыхом называется по-ученому, из него выйдет, а коммунист – ни за что на свете!* /М. Шолохов. Поднятая целина/.

В творчестве донского писателя также переносно используется оборот *сделать перекрут*, прямое значение которого определяется как «*выхолостить, о животном*» (Савенкова, 2015, 9). В составе данного оборота

мы выделяем отдельно лексему *перекрут*, представляющую собой **семантический диалектизм**, т.е. слово, имеющее в диалекте необычное значение и выступающее в качестве омонима к слову литературного языка, употребляемому с присущим ему в языке значением. Приведем пример употребления данного оборота в переносном метафорическом значении: *Мы ему перекрут, как бугаю, сделаем* /М. Шолохов. Тихий Дон/.

В анализируемом материале также представлены оттерминологические и терминологические единицы (их компоненты), которые подверглись диалектным преобразованиям на словообразовательном уровне, т.е. получили в диалекте особое аффиксальное оформление. Данные единицы представляют собой **словообразовательные диалектизмы**: *бечь рысью, рыском, идти в наступ, становиться (подняться) в дыбки* и т.д. – *Ему весь резон бы рысью бечь – а как он побежит, ежели он шагом идет, и то как стреноженный конь?* /М. Шолохов. Поднятая целина/. Все диалектные словообразовательные варианты в прямом значении представлены в «Большом толковом словаре донского казачества». При этом стоит отметить, что в одних случаях в словаре зафиксированы непосредственно сами вышеуказанные многокомпонентные единицы (*идти в наступ, становиться (подняться) в дыбки*), а в других – лишь диалектные словообразовательные варианты лексем, которые являются компонентами сверхсловных единиц (*бечь*).

Также в «Большом толковом словаре донского казачества» как характерное диалектное явление отмечается функционирование заимствованных слов мужского рода с конечными сочетаниями *тр, гр, рм, нк* в качестве существительных женского рода. Данное явление относится к морфологическим изменениям, а слова, подвергающиеся таким изменениям, определяются как **морфологические диалектизмы**. Мы отмечаем данное диалектное явление в отношении терминологических единиц *штурма (штурм), танка (танк)*: – *Греха не скрою: баба! Баба-чертяка кинулась за корову. – Любишкин заправил в рот кончик уса, недовольно цедил: – Пошла в*

*наступ, как **танка**. Такое у нас кроворазлитие вышло возле база, от суседей стыду теперь не оберешься* /М. Шолохов. Поднятая целина/. Также мы считаем целесообразным отметить как диалектное явление употребление в качестве источника экспрессивности художественного текста лексемы *пресс* в женском роде: *А против Кондрата в партии я потому, что он мелкий собственник и больше вы из него ничего не выжмете, хучь под **прессу** его кладите!* /М. Шолохов. Поднятая целина/. Несмотря на то, что слово *пресс* имеет окончание, отличное от тех, которые указаны в словаре при описании этого диалектного явления, данная лексема является также заимствованной и употребляется в женском роде вместо мужского. Что касается несовпадения окончания с вышеуказанными, то здесь стоит помнить о том факте, что в большинстве случаев диалектные особенности выявляются вследствие наблюдения исследователей за речью представителей определенного говора и не рассматриваются как строгие правила.

Оттерминологические единицы и термины, отличающиеся от структуры общепринятой литературной единицы особым фонетическим оформлением корневой морфемы, представляют собой группу **фонетических диалектизмов**. Например, сельскохозяйственный термин *лемех* имеет диалектный фонетический вариант *лемеш*, который в романе «Тихий Дон» употребляется в составе сравнения: *Ты гляди, как народ разделили, гады! Будто с плугом проехались: один – в одну сторону, другой – в другую, как под **лемешом*** /М. Шолохов. Тихий Дон/. Лексема *лемеш* зафиксирована в «Большом толковом словаре донского казачества» с пометой *с.-х.* и имеет значение «лемех плуга» (СДК, 261). Данный факт дает нам право отнести вышеуказанный фонетический вариант к диалектной произносительной форме и не считать его девиантным вариантом произношения.

При выделении и описании вышеуказанных типов диалектизмов мы опирались на «Словарь лингвистических терминов» Т. В. Жеребило (2011), а

также на учебное пособие «Современный русский язык» (2002), авторами которого являются Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб и М. А. Теленкова.

В «Словаре языка Михаила Шолохова» в разряд диалектных языковых единиц также включена этологическая лексика и фразеология, «именующая в русских говорах Дона особенности духовной культуры казачьего сословия: мировосприятие, миропонимание, правила жизни, обычаи, нравы, обряды и др., связанные с этническими (народными) представлениями об окружающем казака мире живой и неживой природы» (СЯМШ, 24). Согласно словарю, в состав этологической лексики и фразеологии также входят единицы, изначально в своем прямом значении являющиеся терминологическими. Данные слова и словосочетания в русских говорах Дона приобрели переносные значения, отражающие метафорические модели познания мира донскими казаками: *зооморф. выгуливаться* – становиться упитанным (о человеке) – *У нас девки глаже ее выгуливаются* /М. Шолохов. Тихий Дон/ (СК: с.-х. Поправиться, откормиться на подножном корму, на пастбище (о животных)); *зооморф. табуниться* – тесниться, собираться где-либо (об облаках) – *Текучие облака табунились на небе, застили солнце* /М. Шолохов. Тихий Дон/ (СК: *спец.* Собираться в табун); *флор. обсеменяться* – оплодотворять (о животных) – *И животина всякая, и дерево, и земля пору знает, когда им надо обсеменяться* /М. Шолохов. Поднятая целина/ (СК: *спец.* Дать семена (о растениях)) (СЯМШ) и т.д. Еще раз отметим, что данные переносные метафорические значения не индивидуально-авторские. Как правило, они не фиксируются в словарях общелитературного языка, так как характерны для говоров Дона и отражают метафорические модели познания мира донскими казаками.

Таким образом, оттерминологические и терминологические единицы территориально ограниченного употребления в творчестве М. Шолохова представлены традиционно выделяемыми шестью типами диалектизмов (*этнографические, семантические, собственно лексические, словообразовательные, грамматические (морфологические), фонетические*).

Кроме того, некоторые оттерминологические единицы, образованные путем переосмысления метафорического типа, входят в состав этологической лексики и фразеологии русских говоров Дона.

Анализ оттерминологических и терминологических единиц по вышеуказанным критериям позволил выявить их языковое разнообразие, основные интра- и экстралингвистические характеристики, а также сделал возможной максимальную оптимизацию дальнейшего комплексного описания анализируемых слов и словосочетаний.

## **Выводы к главе 2**

1. Для анализируемых оттерминологических и терминологических единиц сферами-источниками послужило более 20 терминосистем, которые соотносят их с определенными тематическими группами. Однако наиболее частотными являются единицы, соотносимые с военной и сельскохозяйственной терминосистемами (тематическими группами «Война» и «Сельское хозяйство»). Вместе с этим отметим, что из последней мы отдельно для рассмотрения выделяем оттерминологические единицы и термины, соотносимые со сферой коневодства (тематической группой «Коневодство»).

2. На основании структурно-семантического критерия оттерминологические и терминологические единицы, представленные в творчестве М. Шолохова, классифицированы по количеству компонентов, по соотношению с моделями сочетаний слов или словосочетаний (для многокомпонентных единиц), по частеречной принадлежности.

Все анализируемые единицы согласно первому критерию были подразделены на однокомпонентные и многокомпонентные. Количество компонентов в многокомпонентных оборотах варьируется от двух до четырех.

Сверхсловные единицы также были классифицированы на те, которые построены по моделям сочетаний слов и по моделям словосочетаний.

Рассматриваемые единицы, имеющие модель сочетания слов, являются двухкомпонентными и представляют собой предложно-падежные формы имени существительного. Оттерминологические и терминологические единицы, построенные по моделям словосочетаний, мы рассмотрели в зависимости от количества составляющих их компонентов. Так, двухкомпонентные единицы, имеющие модель словосочетания, построены согласно 8 типам структурных схем, трехкомпонентные – 12 типам структурных схем, четырехкомпонентные – 6 типам структурных схем.

По частеречной принадлежности однокомпонентные оттерминологические единицы и термины, используемые в художественных произведениях писателя, подразделяются на существительные, глаголы, прилагательные и наречия. Анализируемые многокомпонентные единицы в аспекте частеречной принадлежности в творчестве писателя представлены в виде следующих типов: субстантивные, глагольные, адвербиальные, междометные.

3. Оттерминологические и терминологические единицы в анализируемом материале по территориальному критерию подразделяются на территориально не ограниченные в употреблении (92 % единиц) и на те, которые имеют территориальные ограничения, или диалектизмы (8 % единиц), представленные следующими традиционно выделяемыми типами: *этнографические, семантические (лексико-семантические), собственно лексические, словообразовательные, грамматические (морфологические), фонетические.*

В художественных текстах М. Шолохова также используются оттерминологические единицы, относящиеся к такому типу диалектизмов, как этологизмы. Диалектное своеобразие данных единиц заключается в том, что они отражают метафорические модели познания мира носителями донских говоров.

4. Вышеуказанные критерии являются значимыми для классификаций оттерминологических единиц и терминов, выступающих источником экспрессивности в художественных произведениях М. Шолохова. Данное высказывание объясняется тем фактом, что приведенный анализ рассматриваемых слов и словосочетаний по идеографическому, структурно-семантическому и территориальному критериям позволил выявить их языковое разнообразие, которое сделало образное изображение действительности в творчестве М. Шолохова более ярким и оригинальным. Кроме того, результаты, полученные благодаря вышеприведенным классификациям, предоставили возможность максимально оптимизировать дальнейшее комплексное описание анализируемых языковых единиц.

## **ГЛАВА 3. ОТТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ**

### **М. ШОЛОХОВА: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

#### **3.1. Прагматика использования оттерминологических и терминологических единиц**

Термин «прагматика» (от др.-греч. πρᾶξις – «дело, действие») ввел в научный обиход Ч. Моррис. Следуя идеям Ч. Пирса, он считал, что язык – это семиотическая система, которая подразделяется на семантику (отношение между знаками и объектами действительности), синтаксис (отношение между знаками) и прагматику (отношение говорящего к знакам). Таким образом, целью прагматики является изучение поведения знаков в реальных коммуникативных процессах (Арутюнова, Падучева, 1985).

В современном языкознании под предметом прагматики понимается система воздействующих языковых средств и закономерности их функционирования в речи. Как отмечает Л.А. Киселева, прагматика исследует языковые средства, их свойства, а также закономерности речи, которые употребляются людьми для оказания воздействия на психику (Киселева, 1971).

Отметим, что явления, обладающие прагматической значимостью, наиболее ярко проявляют себя в тексте, автор которого стремится воздействовать на своего читателя. Прагматика художественного текста всегда связана с отношением писателя к изображаемой действительности. Центральной категорией современной прагматики текста является категория субъекта, т.е. писателя и читателя, а ее предметом является текст, соотнесенный с писателем, который его создает (Степанов, 1981).

Как пишет М. И. Дмитриева, «оказание влияния, возбуждение мыслей, оценок и стремлений напрямую связано с экспрессивной функцией языка» (Дмитриева, 2000, 11). С точки зрения коммуникативного процесса, экспрессивный план текста предназначен для достижения прагматических задач речевого сообщения (Маслова, 1991). Это объясняется тем, что язык как средство коммуникации должен быть не только точным, понятным и ярким, но и обладающим воздействующей силой.

Одним из немаловажных источников экспрессивности в художественных произведениях М. Шолохова являются оттерминологические и терминологические единицы.

Экспрессивность оттерминологических единиц в рассматриваемых произведениях реализуется в большинстве случаев за счет их метафорического переосмысления.

Говоря об употреблении метафоризированных оттерминологических единиц в творчестве М. Шолохова, необходимо отметить, что вместе с использованием слов и словосочетаний, чье переносное значение фиксируется в толковых и фразеологических словарях, в художественных произведениях писателя используются окказиональные оттерминологические единицы.

Стоит отметить также, что окказиональные метафоры на основе терминологических единиц, более образны и экспрессивны, так как чем неожиданнее созданный образ, тем он более экспрессивен. Они ярче демонстрируют индивидуально-авторское мышление, дают авторскую характеристику.

Приведем примеры окказиональных оттерминологических единиц, характеризующихся переносным метафорическим значением: *Лопнула вожжжина дружбы, раньше соединявшая их* /М. Шолохов. Тихий Дон/; *Как-то около полуночи он, отдыхая, сел на подоконник покурить и тут впервые по-настоящему услышал петушиный хорал* /М. Шолохов. Поднятая целина/.

Отдельного внимания заслуживают окказиональные оттерминологические единицы, послужившие для реализации каламбура: *А против Кондрата в партии я потому, что он мелкий собственник и больше вы из него ничего не выжмете, хучь под прессу его кладите! Макуха, какая жмыхом называется по-ученому, из него выйдет, а коммунист – ни за что на свете!* /М. Шолохов. Поднятая целина/. В данном примере каламбур основан на использовании двух разных значений слова *выйти*. Вышеуказанный прием реализуется также посредством употребления оттерминологических единиц с переносным метафорическим значением *макуха* и *жмых*. В прямом значении данные единицы определяются как «остатки семян масличных растений после выжимания из них масла» (СУ, 1, 876). Образное использование данных слов по отношению к герою романа Кондрату Майданникову характеризует его как человека легкомысленного, без внутреннего стержня.

Отметим, что в анализируемом контексте употребляются вместе метафоризированные оттерминологические единицы, производящей базой для которых послужили диалектный вариант (*макуха*) и общепринятый вариант (*жмых*) сельскохозяйственного термина. Такое употребление лексем является нестандартным и неожиданным для читателя, что, в свою очередь, усиливает их образность и повышает экспрессивную функцию всего каламбура.

Выделим способы, посредством которых образованы оттерминологические единицы, основанные на метафоре в художественных произведениях М. Шолохова:

1. Однокомпонентный термин, пройдя процесс метафоризации, преобразуется в одноименную образную единицу: – *Кремнем раньше был, с баржи мешки по восьми пудов таскал, а теперь?* /М. Шолохов. Тихий Дон/;
2. Переосмыслению подвергается производная от однокомпонентного термина лексема: *гурт – гуртиться – Билась баба и ползала в корчах по*

земле, а около в овечью кучу **гуртились** детишки... /Тихий Дон/  
/М. Шолохов. Тихий Дон/;

3. Однокомпонентный термин становится базой для фразеологизма, основанного на метафоре: ...их [казаков] **зараз к восстанию и на аркане не притянешь** /М. Шолохов. Тихий Дон/;

4. Однокомпонентный термин становится базой для многокомпонентной окказиональной единицы, основанной на метафоре: ...в **вышней просторной целине** спешили, летели без крика, без голоса станицы чернокрылых казарок и диких гусей /М. Шолохов. Поднятая целина/;

5. Многокомпонентный термин, пройдя процесс метафоризации, преобразуется в одноименную фразеологическую единицу: – У нас армия – на **подножном корму** /М. Шолохов. Тихий Дон/;

6. Многокомпонентный термин, переосмысливается метафорически и преобразуется во фразеологизм с отличной от производящего термина структурой: Он пока **выйдет на линию огня**, всю душу из нас вымотает! ... К утру он, может, и доползет до сеней... /М. Шолохов. Они сражались за Родину/;

7. Многокомпонентный термин метафорически переосмысливается окказионально и преобразуется в одноименную окказиональную единицу: ...крайняя необходимость заставляла нести **караульную службу** по охране жалких в своей беззащитности голубей /М. Шолохов. Поднятая целина/.

Анализируемые оттерминологические единицы в художественном творчестве писателя могут функционировать как «проходные метафоры» (термин Б. В. Томашевского), а также данные единицы используются для создания развернутой метафоры, что позволяет усилить воздействие на читателя.

Термин «развертывание метафоры» исследователями определяется как один из стилистических приемов художественной речи, который заключается в использовании слов, относящихся к одному тематическому полю, как «знаков-носителей одного метафорического образа» (Москвин, 2004, 171).

Одно из основных эстетических достоинств стилистического приема развертывания метафоры заключается в том, что «подбираются слова так, что параллельно с развертыванием мысли в прямом значении слов развивается и образ, слагающийся из переносных значений» (Томашевский, 1983, 220).

В шолоховских текстах развертывание метафоры оттерминологическими единицами может происходить на различных уровнях текстового членения.

1. Развертывание метафоры на уровне предложения: *Это, брат, не диво, пахать-то. Хороший командир не должен в цене идти, а должен умно командовать, вот что я тебе скажу!* /М. Шолохов. Поднятая целина/.

2. Развертывание метафоры на уровне сложного синтаксического целого: *Смотрите, станичники! Деревянное ярмо с вас хотят скинуть, а уж ежели наденут, так наденут стальное!*

– *Погоди трошки, Илья Митрич!* – сказал, выходя из задних рядов, небольшой казак, такой же коренастый, как и Бунчук; он откашлялся, потер длинные руки, похожие на обмытые водой корни дуба-перестарка, и, глядя на Бунчука улыбающимися светло-зелеными, клейкими, как молодые листочки, глазами, спросил: – *Ты вот про ярмо гутарил... А большевики, как заграбают власть, какую ярмо на нас наденут?*

– *Ты что же, сам на себя будешь ярмо надевать?* /М. Шолохов. Поднятая целина/.

3. Развертывание метафоры на уровне одной главы. Например, посредством военной терминологии описывается случай, когда герой романа «Они сражались за Родину» Петр Лопухин попытался вступить в близкие отношения с женщиной с целью добыть продукты питания для себя и своих товарищей.

Так, сослуживец Петра Лопухина, наблюдавший за происходящим, характеризует начало его операции следующим образом: *Выдвинулся на исходные позиции, но все равно он не пройдет!..* Далее военная метафора продолжает разворачиваться: – *И чего он топчется на исходных? О, зараза!*

*Он пока **выйдет на линию огня**, всю душу из нас вымотает!* /М. Шолохов. Они сражались за Родину/.

После того, как герой романа потерпел неудачу в своем деле, он охарактеризовал это так: *Непредвиденная **осечка!*** Подводя итоги своим действиям, Петр Лопухин употребляет следующую фразу, основой для которой также является военная метафора: – ***Атака моя отбита. Отступил я в порядке, но понесся некоторый урон, и ввиду явного превосходства сил противника наступления на этом участке не возобновляю*** /М. Шолохов. Они сражались за Родину/

4. Развертывание метафоры в пределах нескольких глав. Яркой иллюстрацией развертывание метафорического образа в пределах нескольких глав может послужить также пример из романа «Они сражались за Родину». Так, за две главы до вышеописанной ситуации, когда герой анализируемого романа Петр Лопухин только решил осуществить свой план, он говорит следующее: – *На сегодня многого не обещаю, буду знакомиться с обстановкой и вести **разведку боем**, а уж завтра утром накормлю вас всех – во!* /М. Шолохов. Они сражались за Родину/. Данная реплика является началом развернутой военной метафоры, которая распространяется на другую главу произведения.

Таким образом, употребляя развернутую оттерминологическую метафору, М. Шолохов показывает, как служивый человек воспринимает определенные ситуации в своей жизни сквозь призму предыдущего опыта. Так, например, при описании ситуации, в которой находился Петр Лопухин, в результате создания образа, основанного на военной метафоре, можно проследить этапы ведения боевых действий (*выдвигаться на исходные позиции, выйти на линию огня*), а также возможный исход боевого столкновения (*атака отбита, превосходство сил противника*).

Отметим, что в анализируемом материале случаи употребления оттерминологических единиц, основанных на метонимии, в качестве источника экспрессивности нами выявлены не были.

Стоит указать, что в художественной прозе М. Шолохова помимо метафорического переосмысления терминов используется индивидуально-авторский способ образования оттерминологических единиц.

Некоторые термины в языке произведений писателя утрачивают свои первичные значения и приобретают новые, которые, однако, не зависят от первоначальной семантики терминологических единиц.

Так, герой романа «Поднятая целина» дед Щукарь самостоятельно наделяет специальные единицы из различных сфер профессиональной деятельности новыми нетерминологическими значениями и употребляет их в речи: *Ну, многие слова я и без всяких прояснений понимаю. ...«Адаптер» – означает: пустяковый человек, вообще сволочь, и больше ничего. «Акварель» – это хорошая девка, так я соображаю, а «бордюр» – вовсе даже наоборот, это не что иное, как гулящая баба...* /М. Шолохов. Поднятая целина/.

Новые значения единиц мотивированы не прямыми значениями терминов, а фонетическими структурами лексем. Другими словами, данные значения обусловлены ассоциациями, которые вызывают фонетические формы терминологических единиц.

Так, можно предположить, что лексема *акварель* в анализируемом контексте определяется как «хорошая девка» в связи с тем, что ее внешняя фонетическая форма ассоциируется со следующими словами: *прелесть, благодетель, правильная*. Значения перечисленных лексем так или иначе соотносимы с семантикой словосочетания *хорошая девка*.

Перечислим другие примеры оттерминологических единиц и слов, чьи фонетические формы и семантика, возможно, мотивировали значения данных оттерминологических единиц: *адаптер* в значении «пустяковый человек, сволочь» – *дрянь, цербер, кербер*; *бордюр* в значении «гулящая баба» – *бордель, бардак*.

Дед Щукарь не только придумывает новые значения для слов, но и создает окказиональный фразеологизм на основе термина и узуальной фразеологической единицы: *...«антресоли» крутить – это и есть самая*

*твоя любовь, Агафон...* /М. Шолохов. Поднятая целина/. Оказиональный фразеологизм из речи деда Щукаря *крутить антресоли* возник на основе фразеологической единицы *крутить любовь*. Можно предположить, что лексема *антресоли* в анализируемом контексте обозначает романтическое чувство, так как ее фонетическая форма ассоциируется с фонетической формой слова *холить*, которое определяется как «любовно ухаживать за кем-л., чем-л., заботиться о ком-л., чем-л.; нежить» (Ефремова, 2000, 2, 943).

При этом в зависимости от характера коммуникации персонаж может изменять значения анализируемых единиц для достижения определенных коммуникативных целей.

Так, в ситуации, когда дед Щукарь ругается со своей женой, он употребляет в качестве бранных слов оттерминологические единицы, производящей базой для которых стали термины *астролябия* и *апробация*: *Ты начисто одурела, старая астролябия!* /М. Шолохов. Поднятая целина/; *Понятно тебе, старая апробация?* /М. Шолохов. Поднятая целина/. Можно допустить, что лексема *астролябия* используется в качестве бранного слова вследствие того, что она ассоциируется с фонетической формой слов *ляп* и *расхлябанная*, а оттерминологическая единица *апробация* – с фонетической формой лексем *баба*, *прорва*, *пробка* (в значении «глупый человек»), *провокация*. Все перечисленные слова характеризуются отрицательной семантикой.

Супруга героя романа проявляет негодование по поводу употребления в ее адрес данных слов: *И до каких пор ты будешь меня разными неподобными словами наскудить? Какая я тебе астролябия да пробация?* /М. Шолохов. Поднятая целина/. Поэтому дед Щукарь, избирая стратегию защиты, в своей речи придает семантике рассматриваемых лексем положительные коннотации: *Это все едино: что душенька моя, что астролябия...* По-простому сказать – «милушка ты моя», а по-книжному выходит «*апробация*» /М. Шолохов. Поднятая целина/.

Отметим, что вышеуказанные лексемы в узуальных терминологических значениях и одноименные с ними слова в новых контекстуальных значениях являются по отношению друг к другу омонимами. В данных примерах мы наблюдаем перенос внешней формы терминологической единицы (на основе фонетических ассоциаций) на значение общеупотребительной лексемы.

Таким образом, терминологическое значение слова абсолютно не связано с его новым контекстуальным значением, которое является для читателей неожиданными и необычными. В данных примерах писатель использует прием контраста, соотнося две противоположные сферы жизнедеятельности человека: специальную и бытовую. При этом чем дальше друг от друга сферы употребления слов-омонимов, тем выше экспрессивность.

Использование вышеуказанных оттерминологических единиц играет большую роль в создании и раскрытии образа деда Щукаря, наделяет героя специфическими чертами характера, которые отличают его от остальных персонажей. Также данный прием помогает реализовать комическую функцию, заключающуюся в том, что практически необразованный человек берет на себя смелость самостоятельно объяснить значения специальных лексем. Комический эффект усиливается посредством того, что персонаж не просто для себя отмечает значения данных слов, а хвастается этими знаниями перед близкими и знакомыми.

Отметим, что в анализируемом материале экспрессивная функция термина может реализовываться за счет преобразований в его морфологической структуре, т.е. за счет прибавления суффиксов, которые наделяют языковые единицы субъективно-оценочными значениями.

В наших примерах морфологические преобразования терминологических единиц представлены прибавлением суффиксов со следующими значениями: 1) увеличительно-сниженное (-юк): *Сильная до ужаси, как ломовая лошадюка...* /М. Шолохов. Поднятая целина/; 2) уменьшительное (-ок): ... я, конечно, одного *валушка* прирезал...

/М. Шолохов. Они сражались за Родину/; 3) уменьшительно-уничижительное (-иц): расОсточертела царева **службица** /М. Шолохов. Тихий Дон/; 4) уничижительно-смягчительное (-енк): *Дадим по-первам тебе какую-нибудь немудрячую **кобыленку**, а потом научишься* /М. Шолохов. Тихий Дон/; 5) пренебрежительное (-ишк): *Наделил проклятый **офицеришка!** – Догулялась!..* /М. Шолохов. Тихий Дон/; 6) ласкательное (-ишк): – *Вы бы нам **патронишк**ов подкинули...* /М. Шолохов. Тихий Дон/; 7) ласкательно-смягчительное (-ишк): – *Нарядный **конишко**...*/М. Шолохов. Тихий Дон/; 8) уменьшительно-ласкательное (-чик): **Жеребчик**-то масти гнедоватой... /М. Шолохов. Жеребенок/; 9) усилительно-ласкательное (-яшк): – *Вишь, **коняшки**-то поподбились!* /М. Шолохов. Тихий Дон/.

Как видно из приведенных примеров, термины с преобразованной морфологической структурой функционируют в речи персонажей, выражая их отношение к называемому предмету, а также их настроение.

Однако такие структурно-семантические преобразования не затрагивают реального содержания специальных лексем, сохранивших свое номинативное значение. Из чего следует, что анализируемые единицы по своей семантической соотнесенности тождественны производящим лексемам. Вместе с этим вышеприведенные терминологические единицы в преобразованной форме расширяют функциональные границы. Они дают яркие речевые характеристики героям произведений, отражая их эмоциональное состояние в определенный момент времени. Таким образом, терминологические единицы с преобразованной морфологической структурой являются в художественном тексте одним из наиболее значимых стилистических средств создания эмоционально-экспрессивной насыщенности высказывания.

Термины как источник экспрессивной функции шолоховских произведений также реализуются, употребляясь в составе сравнений.

Данные единицы в творчестве М. Шолохова используются в составе нераспространенных сравнений: *Слышу единственное холодное,*

*сдерживающее, как удила: «марш-марш!» /М. Шолохов. Тихий Дон/; а также являются компонентами распространенных сравнений: *Ветром сталкивало их, и они звенели, как стальные стремяна. Будто конная невидимая рать* шла левобережьем Дона, темным лесом, в сизой тьме, позвякивая *оружием и стремянами* /М. Шолохов. Тихий Дон/.*

Сравнения, построенные на основе однокомпонентных и многокомпонентных терминов, в художественных произведениях писателя могут выражаться оборотом со сравнительным союзом: *Слышу единственное холодное, сдерживающее, как удила: «марш-марш!» – и летим* /М. Шолохов. Тихий Дон/; существительным (существительным и прилагательным) в творительном падеже: *...днем одно лихо за другим **вожжюю** тянется за тобой...* /М. Шолохов. Поднятая целина/; сочетанием слов *похожие на: Маленькие, **похожие на картечь**, они светлели из узких прорезей, как из бойниц...* /М. Шолохов. Тихий Дон/; сравнительной степенью прилагательного или наречия: – *Они хотят... это хуже холерных **бацилл!*** /М. Шолохов. Тихий Дон/; самостоятельным предложением, начинающимся союзом *так: И о чем бы ни думала, что бы ни делала, всегда неизменно, неотрывно в думках своих была около Григория. **Так ходит по кругу в чигире слепая лошадь, вращая вокруг оси поливальное колесо...*** /М. Шолохов. Тихий Дон/ и др. Стоит отметить, что также используется развернутое сравнение: *Ударник-то? Кзм... Это... Ну, как бы тебе понятней объяснить? Вот, к примеру, у винтовки есть боек, каким пистонку разбивают – его тоже самое зовут **ударником**. В винтовке эта штука – заглавная, без нее не стрельнешь... Так и в колхозе: **ударник** есть самая заглавная фигура, поняла? Ну, а зараз спи и не лезь ко мне!* /М. Шолохов. Поднятая целина/.

Применяя различные грамматические средства в оттерминологических сравнениях, писателю удастся избежать однообразия в повествовании. При этом стоит отметить, что наиболее частотными являются компаративные конструкции, выраженные оборотами со сравнительными союзами.

М. Шолохов в своих произведениях использует терминологические единицы в устойчивых (узуальных) сравнениях (компаративных фразеологизмах), – как *жеребец*, *реветь как бугай*, *кормить как на убой* и др., а также в индивидуально-авторских (окказиональных) сравнениях – как *ухналь в подкове*, *как конский круп*, *как под лемешом* и др. Отметим, что в творчестве писателя употребление термина как компонента индивидуально-авторского сравнения является более частотным, чем в составе устойчивых сравнений.

Стоит указать, что в художественных произведениях М. Шолохова термины, использующиеся в составе индивидуально-авторских сравнений, могут претерпевать преобразования в морфологической структуре, а именно приобретать суффиксы с субъективно-оценочными значениями, что, в свою очередь, приводит к усилению экспрессивности высказывания.

Так, коневодческий термин *вожжи*, обозначающий «длинные поводья, средство управления упряжной лошастью» (Гуревич, Рогалев, 1991, 34), используется в составе окказионального сравнения в преобразованной форме: – *Ну и язык... с вожжину длиной! – Пантелей Прокофьевич сокрушенно плюнул и так погнал лошадей, словно намеревался раздавить самое Анютку.* /М. Шолохов. Тихий Дон/. Отметим, что сравнение *с вожжину длиной* (о языке) нас отсылает к фразеологизму *длинный язык* со значением «кто-либо очень болтлив, говорит много лишнего» (ФСРЯ, 539). Таким образом, согласно модели переноса данного фразеологизма, чем длиннее язык, тем болтливее человек.

М. Шолохов, стремясь создать более яркую образность, уходит от традиционного использования фразеологизма *длинный язык* для обозначения чрезмерно говорливого человека. Писатель, сравнивая длину языка с длиной специального ремня, являющегося частью лошадиной упряжи, вместе с этим наделяет лексему, обозначающую данный предмет, дополнительным увеличительным значением посредством использования суффикса *-ин*. Таким образом, повышается экспрессивность сравнения в частности и всего текста в

целом. Используя сравнение с термином, наделенным дополнительным увеличительным значением, писатель через прямую речь героя его романа дает более яркую характеристику коммуникативного поведения Анютки и показывает сильное негодование, которое испытывает Пантелей Прокофьевич, общаясь с чрезмерно крикливой женщиной.

Окказиональное употребление терминологических единиц в составе сравнений служит не только для создания ярких, необычных образов, но и для дестандартизации языка. В. В. Виноградов указывает, что читатель прежде всего воспринимает язык художественного произведения с точки зрения норм современного языка, именно поэтому всякое нарушение норм и правил должно быть эстетически оправдано (Виноградов, 1959). Эстетически значимые преобразования различных средств языка предоставляют возможность реализовать творческий замысел писателя.

А. В. Ваганов, исследуя сравнение в художественных текстах М. Шолохова, отмечал его текстовую связь с метафорой. В своей работе он выделяет четыре случая взаимодействия данных компаративных средств (Ваганов, 1992).

Стоит отметить, что сравнения и метафоры, основой для которых послужили терминологические единицы в произведениях М. Шолохова, могут взаимодействовать, дополняя друг друга.

Таким образом, к оттерминологическим сравнениям и метафорам (метафорическим эпитетам) в творчестве М. Шолохова также применимы результаты исследования А. В. Ваганова. Перечислим четыре вида взаимодействия сравнения с метафорой, а также приведем примеры предложений из произведений М. Шолохова, где основу сравнений и метафор (метафорических эпитетов) составляют терминологические единицы:

1. Сравнение стоит в препозиции по отношению к метафоре или метафорическому эпитету: *И внезапно мысль снова переключалась на*

*Гремячий, будто в мозгу кто-то уверенно передвигал рубильник, по-новому направляя ток размышлений* /М. Шолохов. Поднятая целина/.

2. Сравнение стоит в постпозиции по отношению к метафоре или метафорическому эпитету: *Дед Щукарь хлопнул себя по плечи, посыпал очередями, как из пулемета...* /М. Шолохов. Поднятая целина/.

3. Кольцевое положение сравнения по отношению к метафоре или метафорическому эпитету: *Он голосил веселым, залиvistым тенором, как молодой и старательный по службе командир роты; ему солидным, полковничьим баритоном отзывался петух со двора Агафона Дубцова; затем минут пять над хутором висел сплошной, непрерывающийся крик, а уж после всех, громко бормоча спросонок и мощно хлопая на насесте крыльями, генеральским сильным басом, с командной хрипотцой и надсадцем в голосе оглушительно ревел самый старей в хуторе, рыжий и дебелий петух Майданниковых... Внимательно прислушавшись, пораженный Макар в восторге воскликнул: «Да это же прямо как на параде, как на смотре дивизии!»* /М. Шолохов. Поднятая целина/. Данный пример проанализирован в работе А. В. Ваганова.

4. Сравнение находится в интерпозиции по отношению к метафоре или метафорическому эпитету: *Небольшой, а маштаковатый, гля, у него шеяка, как у доброго бугая! К нам для приплоду прислали...* /М. Шолохов. Поднятая целина/.

В каждом примере термины, составляющие основу для сравнений и метафоризированных оттерминологических единиц, соотносятся или с одной тематической группой, или с двумя близкими тематическими группами.

Таким образом, терминологические единицы как компоненты сравнений и метафоризированные оттерминологические единицы вступают в отношения, в рамках которых они друг для друга являются интенсификаторами (усилителями) экспрессивности.

Рассматриваемые оттерминологические и терминологические единицы могут вводиться в текст в авторской речи, в речи персонажей, а также в

функции двуголосого слова (термин ввел М. М. Бахтин). Двуголосое слово «служит сразу двум говорящим и выражает одновременно две различных интенции: прямую интенцию говорящего персонажа и преломленную – авторскую» (Бахтин, 1975, 137–138). Другими словами, автор использует прием двуголосия с целью показать восприятие ситуации глазами персонажей, избегая прямого введения их реплик (Савенкова, 2015). Как отмечает М. М. Бахтин, «в таком слове два голоса, два смысла и две экспрессии» (Бахтин, 1975, 138).

Ярким примером использования оттерминологических и терминологических единиц в качестве двуголосого слова служит сцена «петушиной переключки» в романе «Поднятая целина». Сначала идет прямая речь героя романа Макара Нагульного, где он характеризует петушиные крики посредством военных терминов: ...«*Да это же прямо как на **параде**, как на **смотре дивизии!***» /М. Шолохов. Поднятая целина/. Здесь термины вводятся в речь персонажа в составе сравнений.

Дальше уже в речи автора продолжается характеристика петушиных криков посредством метафоризированной оттерминологической единицы, соотносимой с тематической группой «Война»: *С той поры он стал каждую ночь ожидать петушиной **побудки**...* /М. Шолохов. Поднятая целина/. Несмотря на то, что данное предложение вводится в текст через авторскую речь, оно отражает то, как воспринимает ситуацию герой романа, так как в нем продолжается начатая Макаром Нагульным характеристика петушиного пения посредством военных терминов. Затем автор прямо указывает, что так воспринимается ситуация самим персонажем: *Это было в представлении Макара до некоторой степени похожим на то, как если бы после доподлинного **генерала**, поправляя его, вдруг заговорил какой-нибудь захудалый отделенный **командир**, к тому же еще **заика*** /М. Шолохов. Поднятая целина/. И далее в тексте уже непосредственно в речи персонажа используется военная команда *отставить* в переносном значении:

*Возмущенный до глубины души, Макар не мог стерпеть такого безобразия, он крикнул в темноту: «Отставить!..»... /М. Шолохов. Поднятая целина/.*

Таким образом, в приведенном примере двуголосие, включающее оттерминологические единицы и термины, плавно перетекает в прямую речь персонажа. Однако далее автор продолжает использовать данный прием, развивая созданный образ: *Стройная гармония ночной петушиной переклички, где голоса и время выступлений были как бы расписаны по рангам, непоправимо нарушалась /М. Шолохов. Поднятая целина/.*

Обобщая вышесказанное, еще раз укажем, что в анализируемом материале используются оттерминологические единицы, образованные на основе метафоры, терминологические единицы с преобразованной морфологической структурой и в составе сравнений. Данные способы создания экспрессивности являются традиционными для художественных текстов.

Однако М. Шолохов как настоящий мастер литературного творчества использует также индивидуально-авторский прием реализации экспрессивности оттерминологических единиц.

Оттерминологические единицы и термины, выступающие в качестве источника экспрессивной функции художественных произведений М. Шолохова, позволяют писателю добиться максимально точной характеристики персонажей, выразить свое отношение к изображаемым людям и событиям, эстетически воздействовать на читателя. Все это говорит о высоком прагматическом потенциале оттерминологических и терминологических единиц, а также об их функциональном равенстве в системе художественно-изобразительных средств произведения.

### **3.2. Варьирование оттерминологических и терминологических единиц как источник экспрессивности художественных произведений М. Шолохова**

В художественных произведениях М. Шолохова для 9 % анализируемых оттерминологических и терминологических единиц характерно вариантное использование с точки зрения формы, которое в некоторых случаях влечет за собой дополнительные семантические и/или стилистические преобразования.

Стоит отметить, что в данном параграфе мы не рассматриваем диалектные варианты, которые были проанализированы в параграфе 2.3.

В настоящем исследовании мы придерживаемся подхода, согласно которому варьирование понимается как процесс, результаты которого выражаются в существовании различных вариантов в языке (Руссу, 2014).

В процессе исследования понятия варьирования ученые также оперируют термином «вариантность».

Традиционно понятие вариантности рассматривается в двух значениях. Под вариантностью понимается, во-первых, «представление о разных способах выражения какой-либо языковой сущности как об ее модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы», во-вторых, «способ существования и функционирования единиц языка и системы языковой в целом» (ЛЭС, 80–81). Согласно второму определению, вариантность представляет собой «фундаментальное свойство языковой системы и функционирования всех единиц языка» (Там же, 81). В настоящем исследовании мы также придерживаемся данного подхода.

Отметим, что при первом понимании вариантности следует говорить только о вариантах: «...то, что видоизменяется, понимается как некоторый образец, эталон или норма, а вариант – как модификация этой нормы или отклонение от нее» (Там же).

При принятом в настоящем исследовании втором понимании вариантности используется также термин «инвариант» и вводится оппозиция «вариант – инвариант».

Так, согласно данной точке зрения, под вариантами понимаются «разные проявления одной и той же сущности, например видоизменения одной и той же единицы, которая при всех изменениях остается сама собой» (Там же). При этом понятие «инвариант» определяется как «абстрактное обозначение одной и той же сущности (например, одной и той же единицы) в отвлечении от ее конкретных модификаций – вариантов» (Там же). Отметим, что для художественного текста часто характерно окказиональное варьирование языковых единиц, что является проявлением лингвокреативной функции языка, которая, по мнению В.Ю. Меликяна, «представляет собой совокупность универсальных законов и принципов (законов универсума), которые детерминируют организацию, функционирование и развитие языка» (Меликян, 2019, 222).

Рассмотрение проблемы вариантности языковых единиц связано с необходимостью отграничения вариантности от синонимии. Мы придерживаемся мнения, согласно которому одним из наиболее важных критериев разграничения вариантов и синонимов является семантическая полноценность, самостоятельность, т.е. языковые единицы, собственные значения которых трудно или совсем невозможно установить, нельзя рассматривать как синонимы (Жуков, Жуков, 2006). Вместе с этим К. С. Горбачевич отмечает, что варианты одной языковой единицы характеризуются единым концептуальным значением (Горбачевич, 2009), хотя они могут различаться некоторыми стилистическими характеристиками или некоторыми оттенками в семантике.

Варианты анализируемых нами единиц представлены следующими типами: *фонетический, морфемно-семантический, морфологический, лексический, лексико-семантический, структурный, структурно-семантический, комбинированный.*

**Фонетические варианты** возможны вследствие изменения у языковой единицы (варьируемого компонента языковой единицы) фонетического оформления корневой морфемы: *анафемы – анафены, архиерей – архирей* и т.д. *Вот в чем ты прав: покупатели твоей телки – такие же заготовители, как я архиерей* /М. Шолохов. Поднятая целина/ – ...и сам ты, гляжу я, такой же заготовитель, как я архирей... /М. Шолохов. Поднятая целина/; *Утром до скольких разов сражались с ним, а зараз, пожалуйста, примостился рядом спать, нелегкая его принесла мне под бок, а разбудили его – на драку, анафема, готовится* /М. Шолохов. Поднятая целина/ ...– *Замолчите, анафены!* /М. Шолохов. Поднятая целина/. При фонетическом типе варьирования наблюдаются формальные изменения языковой единицы, не влекущие за собой каких-либо дополнительных семантических преобразований. Таким образом, модификация языковой единицы на фонетическом, звуковом уровне представляет собой односторонний тип варьирования.

Вышеперечисленные языковые единицы введены в художественный текст через прямую речь персонажей. В связи с этим они позволяют писателю дать более полную характеристику героя произведения, детализировать речевой портрет говорящего. При этом стоит отметить, что варианты лексем *анафены* и *архирей* претерпевают индивидуально-авторские фонетические модификации.

Для анализируемых оттерминологических и терминологических единиц характерно также **морфемно-семантическое варьирование**. В данном случае языковые единицы (варьируемые компоненты языковых единиц) различаются аффиксальным оформлением. При этом словообразовательные модификации влекут за собой и дополнительные смысловые оттенки при употреблении языковой единицы как в прямом, так и в переносном значении. Именно поэтому мы считаем целесообразным охарактеризовать данный тип варьирования как морфемно-семантический, а

не морфемный. Таким образом, данного рода модификации представляют собой двустороннее варьирование.

В большинстве случаев морфемно-семантические варианты анализируемых нами языковых единиц различаются добавочными суффиксами: *подкова – подковка, боров – боровок, рысью – рысцой, гнедой – гнедоватый* и т.д. Все приведенные выше морфемно-семантические варианты, за исключением последнего, образованы путем прибавления суффиксов субъективной оценки.

Так, морфемно-семантические варианты *боров* и *боровок* в романе «Тихий Дон» используются в переносном значении для характеристики толстых, неповоротливых мужчин: – *Калкан нажрал, **боров**, дьявол!* /М. Шолохов. Тихий Дон/ – *Может быть, у меня немного тоньше кожа, чем у этого вот упитанного **боровка**, может быть, поэтому я болезненней реагирую на все, и наверняка поэтому я – честно на войне, а не «работаю на оборону»* /М. Шолохов. Тихий Дон/.

Однако отметим, что лексема *боровок* за счет суффикса субъективной оценки *-ок* приобретает дополнительное уменьшительно-уничижительное значение. Кроме того, уничижительная оценка также реализуется посредством использования лексемы *упитанный*, которая в контексте вышеприведенного предложения имеет отрицательную коннотацию. Таким образом, человек, характеризующийся как *упитанный боровок* и «*работающий на оборону*», противопоставляется другим людям, которые, воюя на фронте, претерпевают множество лишений, в том числе и недоедают.

Морфемно-семантические варианты лексемы женского рода *подкова* и *подковка* в творчестве М. Шолохова употреблены в переносном метафорическом значении «что-л. в форме дуги, подковы (об изгибе зубов)» (СЯМШ, 674): *...яркие губы в уголках наизготове держали улыбку, не покрывая плотно слитой **подковы** выпуклых зубов* /М. Шолохов. Поднятая целина/ – *Затвердевший от холода язык будто распух; цепляясь за **подковку***

*зубов, выговаривал нетвердо* /М. Шолохов. Тихий Дон/. При этом лексема *подковка*, в структуру которой включен суффикс субъективной оценки *-к(а)*, помимо основного вышеуказанного значения, имеет дополнительное уменьшительное значение. В «Словаре языка Михаила Шолохова» данный факт отражен посредством специальной пометы *уменьш.* (уменьшительное) (Там же).

Анализируя морфемно-семантические варианты *рысью* и *рысцой*, употребленные в шолоховских произведениях для описания способа передвижения людей, отметим, что лексема с суффиксом субъективной оценки *-ц(а)* также характеризуется дополнительным уменьшительным значением в отличие от ее варианта *рысью*: *Тот [Давыдов] рысью прибежал к амбарам* /М. Шолохов. Поднятая целина/ – *Он думал о чем-то сосредоточенно, упорно, страдальчески морщил лоб, а потом вдруг вскочил, расталкивая людей, рысцой затрусил к столу президиума* /М. Шолохов. Поднятая целина/. Стоит указать, что в лексикографических трудах дополнительное уменьшительное значение лексемы *рысцой* отражается не через специальную помету *уменьш.*, а через толкование слова: «Быстрым, мелким шагом (о человеке)» (Там же, 775), «Бегом, быстрым мелким шагом» (СРЯ, 3, 746). Вместе с этим значение слова *рысью* определяется как «бегом, быстрым шагом (о человеке)» (СЯМШ, 777), «быстро, бегом» (СРЯ, 3, 746).

Отметим, что языковые единицы с суффиксами субъективной оценки характерны для разговорной речи (Русская грамматика, 1980, 1). В связи с этим в лексикографических работах такие лексемы в большинстве случаев сопровождаются специальной стилистической пометой *разг.* (разговорное).

В романе «Тихий Дон» также используются в переносном метафорическом значении морфемно-семантические варианты *гнедой* – *гнедоватый*: *Мирон Григорьевич в распахнутом тулупе сидел на подоконнике, улыбался в гнедую бороду* /М. Шолохов. Тихий Дон/ – *Сергей Платонович надвое развалил крутую гнедоватую бородку* /М. Шолохов. Тихий Дон/. Отметим, что лексема *гнедоватый (-ая)* отличается от слова

*гнедой* (-ая) суффиксом *-оват*. Прилагательные с данным суффиксом используются, когда говорящий хочет отметить тот факт, что предмет обладает «в смягченной, уменьшенной степени качеством, названным мотивирующим словом» (Там же, 299).

Стоит указать, что прилагательные с суффиксом *-оват* не выражают субъективную оценку, а обозначают объективную неполноту проявления признака.

**Морфологические варианты** появляются в результате изменения грамматической формы языковой единицы. Такого рода модификации представляют собой односторонний тип варьирования, так как преобразования на морфологическом уровне, как правило, не вносят каких-либо дополнительных смысловых оттенков в общее содержание языковой единицы.

Так, например, в переносном метафорическом значении употреблено прилагательное *выморочный* как в полной, так и в краткой форме: *Так безрадостна была эта выморочная, будто недавним пожаром опустошенная земля, что Давыдову стало как-то не по себе* /М. Шолохов. Поднятая целина/; *Полночь так тиха, так выморочно студеное небо в зыбкой россыпи многозвездья, что кажется – мир покинут живым* /М. Шолохов. Поднятая целина/. Стоит отметить, что в прямом терминологическом значении лексема *выморочный* не может иметь краткую форму, так как является относительным прилагательным. В вышеприведенном предложении употребление лексемы *выморочно* как с точки зрения значения (переносное метафорическое), так и с точки зрения формы (краткая форма) является индивидуально-авторским.

Многокомпонентные устойчивые языковые единицы могут подвергаться словесным модификациям в рамках одной и той же синтаксической конструкции. Если подобного рода изменения не придают значению оборота дополнительных сем, они определяются как одностороннее **лексическое варьирование**.

Так, в творчестве М. Шолохова употреблены индивидуально-авторские лексические варианты *небесная целина* и *вышняя целина* в значении «девственное пространство небес» (СЯМШ, 903): *...на Лугу небесной целиной, бездорожьем все еще или загрунтованные свинцовыми белилами вечера рваные облака... /М. Шолохов. Тихий Дон/ –...в вышней просторной целине спешили, летели без крика, без голоса станицы чернокрылых казарок и диких гусей /М. Шолохов. Поднятая целина/.*

В художественных произведениях писателя также употреблены оттерминологические фразеологизмы, в которых лексическому варьированию подвергаются глагольные компоненты.

Так, например, в анализируемом материале используется как узуально-закрепленный в «Большом толковом словаре донского казачества» фразеологизм *залезть за борозду* с переносным значением «переступить границу» (СДК, 52), так и его индивидуально-авторский вариант *перелезть через борозду*: *Пуцай за борозду не залазит, а то он скоро и до отца доберется! /М. Шолохов. Червоточина/ – Все время на краю смерти ходишь, ну и перелезешь иной раз через борозду /М. Шолохов. Тихий Дон/.*

Укажем, что в приведенных примерах лексическое варьирование глагольного компонента приводит также к изменению предлога. Это связано с тем, что глагол *залезть* в приведенном выше значении употребляется со следующими предлогами: *на, в/во, за, под/подо* (СУ, 1, 967), в то время как глагол *перелезть* используется с предлогом *через* (Там же, 3, 149). При этом еще раз отметим, что вышеуказанные лексические различия не приводят к изменению семантики фразеологизма.

Однако часто замена лексического компонента другим придает содержанию языковой единицы дополнительные смысловые оттенки. Таким образом, данный тип двустороннего варьирования целесообразно определить как *лексико-семантический*.

Так, в творчестве писателя в переносном значении используются лексико-семантические варианты оттерминологической единицы,

соотносимой с тематической группой «Война», *идти в атаку* и *кидаться в атаку*: *Я эскадрон водил и на поляков и на Врангеля и знаю: раз пошел в атаку – с полдороги не поворачивай назад!* /М. Шолохов. Поднятая целина/ – *Вот когда выберут тебя секретарем ЦК, тогда уж ты будешь опрометь головы в атаку кидаться...* /М. Шолохов. Поднятая целина/.

В приведенных выше оборотах варьируются глагольные компоненты. Лексема *идти* имеет значение «3. Отправляться, направляться куда-л.» (СК, 375). Лексема *кидаться* определяется как «4. Быстро, резким движением направляться, устремляться куда-л.» (Там же, 426). При этом стоит отметить, что, несмотря на то, что оба глагола обозначают направленное передвижение, они различаются степенью (интенсивностью) проявления действия. При замене глагольного компонента *идти* на *кидаться* как в прямом, так и в переносном значении оборот приобретает дополнительные семы. Таким образом, при переносном употреблении словосочетания *кидаться в атаку* степень интенсивности проявления действия сохраняется.

Помимо всех вышеперечисленных слов и словосочетаний, в качестве вариантов мы также рассматриваем окказиональную однокомпонентную оттерминологическую единицу *картечины* и образованный на ее базе окказиональный оборот *глаза-картечины*. Данные языковые единицы мы определяем как варианты, так как они характеризуются общим концептуальным значением и единой образностью.

Лексема *картечина* в романе «Тихий Дон» употребляется в переносном метафорическом значении «о взгляде маленьких, тяжелых и пронизывающих глаз» (СЯМШ, 439): *Изредка лишь он опускал пухлые веки и снова рывком поднимал их, нацеливаясь картечинами глаз, обегая ими все окружающее* /М. Шолохов. Тихий Дон/. В данном предложении лексема *глаза* в Р.п. выполняет функцию контекстного уточнителя. Сопровождение анализируемой нами лексемы словом *глаза* является в приведенном выше предложении обязательным. Именно за счет данного слова происходит актуализация значения у языковой единицы *картечины*.

В романе оттерминологическая единица *картечины* в переносном метафорическом значении является основой для создания окказионального оборота *глаза-картечины*: *И опять забегали, разыскивая простор в тесной горенке, тяжелые на подъем глаза-картечины* /М. Шолохов. Тихий Дон/. Данный оборот в «Словаре языка Михаила Шолохова» определяется как «маленькие, бегающие, с тяжелым, пронизывающим взглядом глаза» (Там же).

Таким образом, слово, являющееся обязательным сопроводителем для лексем, используемой в переносном значении, и сама эта лексема преобразуются в одну языковую единицу. Отметим, что лексему *картечина* вместе с ее обязательным сопроводительным словом *глаза* (*глаз*) в предложении можно заменить оборотом *глаза-картечины*, и наоборот. При этом смысл предложений останется таким же. В связи с этим мы считаем целесообразным вышеописанные модификации языковой единицы рассматривать как одностороннее **структурное варьирование**, которое реализуется за счет возможности разными синтаксическими структурами передавать одно значение.

Однако в художественном тексте писателя мы наблюдаем изменения в синтаксической структуре анализируемых языковых единиц, которые вносят в их содержание дополнительные смысловые оттенки. Такого рода двустороннее варьирование определяется как **структурно-семантическое**.

Так, индивидуально-авторская образная языковая единица *кидать увертливые, лисьи петли* образована от фразеологизма *метать петли* со значением «обманывать, стараться запутать кого-л.» (Бирих и др., 2005, 529). Данный фразеологизм, в свою очередь, произошел от составного термина из языка портных *метать петли*, который обозначает «обшивать петли на одежде». Затем выражение перешло в язык охотников, где оно означает «выписывать на бегу сложные замкнутые кривые» (Вартаньян, 1973, 190). Впоследствии оборот приобрел узואльно закрепленное переносное значение и стал функционировать в языке в качестве фразеологической единицы.

Однако в романе «Тихий Дон» мы наблюдаем вариантное использование данной языковой единицы в переносном значении с добавочными компонентами *увертливый* и *лисий*: *Долго и непонятно говорил старик Грязнов, ходил вокруг да около, кидал увертливые, лисьи петли слов, видимо, боясь проговориться* /М. Шолохов. Тихий Дон/. Используя оборот *кидать увертливые, лисьи петли*, писатель показывает, что герой пытается уйти от прямого вопроса, от прямого высказывания своих сомнений, так как понимает, что подобные слова могут быть рассмотрены как оппозиционные, однако вместе с этим старается донести свои мысли собеседнику. Компоненты *увертливый* и *лисий* употребляются с целью детализировать образность. Данные лексемы не только демонстрируют тот факт, что персонаж во время своей речи хитрит и применяет различного рода уловки, но и отражают степень его старания.

Стоит отметить, что оборот *кидать увертливые, лисьи петли* отличается от варианта *метать петли* не только в структурно-семантическом плане. Также произошла замена глагольного компонента *метать* на *кидать*. Однако эта замена не повлияла на значение оборота. Таким образом, в данном примере мы наблюдаем и лексическое варьирование. Одновременное наличие двух или более видов модификаций у одной языковой единицы представляет собой ***комбинированный тип варьирования***.

Как правило, с позиции автора вариантное использование анализируемых нами языковых единиц является интенциональным, служит авторскому замыслу.

С точки зрения героев произведений вариантное употребление языковых единиц может также являться интенциональным. Целенаправленное варьирование оттерминологических и терминологических единиц применяется в прямой речи персонажей, когда герои произведений выражают свое отношение к тому или иному явлению действительности,

дают меткие характеристики окружающим их людям, событиям, жизненным обстоятельствам.

Таким образом, как правило, интенциональным в речи героев произведений М. Шолохова является применение двустороннего варьирования языковых единиц.

Однако персонажи рассматриваемых произведений не всегда применяют варьирование целенаправленно. Так, например, такие фонетические варианты, как *архирей* и *анафена*, представляют собой девиантные произносительные формы.

В большинстве случаев языковые единицы одностороннего типа варьирования дают характеристики непосредственно самим героям произведений, детализируют их речевой портрет, более ярко отражают особенности коммуникативного поведения, способствуя усилению выразительности высказывания. Целью двустороннего варьирования, помимо вышесказанного, является конкретизация значения языковой единицы, что вызывает сильные эмоции у адресата и в результате приводит к повышению экспрессивности повествования.

В целом вариантное использование оттерминологических и терминологических единиц расширяет границы авторской мысли, придает эффект новизны, изменяет восприятие текста. Таким образом, варьирование анализируемых единиц в произведениях М. Шолохова, вместе с тем, что ярко характеризует лингвокреативный потенциал писателя, является значительным интенсификатором экспрессивности художественного текста, что, в свою очередь, повышает его прагматическую функцию.

### **Выводы к главе 3**

1. Оттерминологические и терминологические единицы как источники экспрессивной функции играют важную роль в системе средств художественной выразительности произведений М. Шолохова.

Экспрессивность оттерминологических единиц в анализируемом материале реализуется в большинстве случаев посредством метафорического переосмысления. При этом в творчестве писателя мы выделяем семь способов образования оттерминологических единиц, в основе которых лежит метафорический перенос: 1) однокомпонентный термин, пройдя процесс метафоризации, преобразуется в одноименную образную единицу; 2) переосмыслению подвергается производная от однокомпонентного термина лексема; 3) однокомпонентный термин становится базой для фразеологизма, основанного на метафоре; 4) однокомпонентный термин становится базой для многокомпонентной окказиональной единицы, основанной на метафоре; 5) многокомпонентный термин, пройдя процесс метафоризации, преобразуется в одноименную фразеологическую единицу; 6) многокомпонентный термин, переосмысливается метафорически и преобразуется во фразеологизм с отличной от производящего термина структурой; 7) многокомпонентный термин метафорически переосмысливается окказионально и преобразуется в одноименную окказиональную единицу.

Установлено, что в художественных текстах писателя вместе с использованием слов и словосочетаний, чье переносное значение фиксируется в толковых и фразеологических словарях, используются окказиональные оттерминологические единицы, которые являются более образными и экспрессивными.

Анализируемые оттерминологические единицы в художественных произведениях М. Шолохова не только функционируют как «проходные метафоры», но и используются для создания развернутой метафоры, что значительно усиливает воздействие на адресата.

В художественных произведениях М. Шолохова также применяется индивидуально-авторский способ образования оттерминологических единиц. Данный способ заключается в переносе внешней формы терминологических единиц (на основе фонетических ассоциаций) на значения

общеупотребительных лексем. Таким образом, семантика оттерминологической единицы детерминирована не прямым значением термина, а его фонетической структурой. Другими словами, семантика оттерминологической единицы мотивирована ассоциациями, которые вызывают фонетические формы одноименного термина.

Экспрессивная функция терминов в анализируемом материале может обуславливаться преобразованиями в их морфологической структуре, т.е. за счет прибавления суффиксов субъективной оценки (как положительной, так и отрицательной). Данные языковые единицы в большинстве случаев употребляются в прямой речи героев произведений, давая им яркие речевые характеристики и отражая их эмоциональное состояние.

Термины как источник экспрессивности художественных произведений М. Шолохова также реализуются в составе сравнений, которые могут выражаться через оборот со сравнительным союзом, существительное (существительное и прилагательное) в творительном падеже, сравнительную степень прилагательного или наречия, самостоятельное предложение, начинающееся союзом *так* и др. Кроме того используются развернутые сравнения. Применяя различные грамматические средства при создании оттерминологических сравнений, писатель избегает однообразия в повествовании.

В рассматриваемом материале термины используются как в индивидуально-авторских (оказиональных), так и в традиционных (узуальных) сравнениях. Однако для создания ярких и необычных образов писатель в большинстве случаев применяет терминологические единицы в индивидуально-авторских сравнениях.

В целом оттерминологические и терминологические единицы, выступающие в качестве источника экспрессивной функции художественных произведений М. Шолохова, способствуют большей выразительности повествования, отражают авторскую оценку изображаемых людей и событий, оказывая вместе с этим эстетическое воздействие на эмоциональную сферу

адресата. Таким образом, данные языковые единицы характеризуются высоким прагматическим потенциалом.

2. Для 9 % рассматриваемых оттерминологических единиц и терминов характерно вариантное употребление с точки зрения формы, которое часто влечет за собой дополнительные семантические и/или стилистические преобразования.

Варианты анализируемых единиц представлены следующими типами: *фонетический, морфемно-семантический, морфологический, лексический, лексико-семантический, структурный, структурно-семантический, комбинированный.*

Отметим, что вариантное использование оттерминологических и терминологических единиц, демонстрируя лингвокреативный потенциал писателя, вызывает эмоции у читателя, что способствует усилению выразительности повествования. Таким образом, варьирование анализируемых единиц в произведениях М. Шолохова является значительным интенсификатором экспрессивности художественного текста.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты анализа различных лингвистических концепций свидетельствуют, что традиционно принято рассматривать терминологические единицы как особый пласт литературного языка, по своим основным категориальным характеристикам значительно отличающийся от общеупотребительных слов и устойчивых словосочетаний.

Однако все рассмотренные свойства и признаки специальной единицы реализуются только в пределах ее тематического терминологического поля.

Под влиянием различных экстралингвистических факторов терминологические единицы могут переходить в общеупотребительный язык, где реализуются их скрытые потенциальные возможности, ограниченные прежде специальной сферой применения.

Таким образом, термины могут выступать важным источником экспрессивной функции неспециальных текстов. В связи с этим терминологические единицы часто используются в текстах художественной литературы, для которых данная функция является одной из основных.

Кроме того, термины могут метафорически и метонимически переосмысливаться, результатом чего является образование новых одноименных единиц. Также термины способны выступать в качестве производящей базы для языковых единиц с переносными значениями, различающихся с ними по структуре. Процесс, результатом которого является образование неспециальных единиц на основе терминов, мы рассматриваем как терминологическую деривацию. Вместе с этим вторичные языковые единицы, генетически восходящие к терминам, в настоящем исследовании получили определение «оттерминологические».

Данные единицы в большинстве случаев характеризуются экспрессивной окраской. Однако у некоторых дериватов в результате их исторического развития образность стирается, что влечет за собой утрату экспрессивности.

Анализируемые нами традиционные случаи терминологической деривации возможны, как было отмечено выше, в результате метафорического и метонимического переосмысления.

При метонимическом переосмыслении мы выделили и описали два способа образования оттерминологических единиц, один из которых отражает явление семантической терминологической деривации (семантические преобразования терминов в оттерминологические единицы без изменения их структуры), и другой из описанных способов демонстрирует структурно-семантическую терминологическую деривацию (структурно-семантические преобразования однокомпонентного термина во фразеологизм, основанный на метонимическом переносе).

В настоящем исследовании также было выделено и описано семь способов образования оттерминологических единиц, основу которых составляет метафорическое переосмысление. При этом три способа связаны с семантическим преобразованием однокомпонентных и многокомпонентных терминов в оттерминологические единицы без изменения их структуры, т.е. представляют собой семантическую терминологическую деривацию. Для четырех из семи выделенных способов в основу легла структурно-семантическая терминологическая деривация (структурно-семантические преобразования однокомпонентных и многокомпонентных терминов в оттерминологические единицы).

Установлено, что для классификации оттерминологических единиц, а также терминов (выступающих в качестве источника экспрессивности художественного текста) значимыми являются следующие критерии: идеографический (понятийно-тематический), структурно-семантический, территориальный.

На основе проведенной нами классификации по идеографическому (понятийно-тематическому) критерию все анализируемые единицы мы распределили по областям знаний или терминосистемам, которые являются для них сферой-источником и соотносят их с определенными тематическими

группами. Так, для рассматриваемых оттерминологических и терминологических единиц сферами-источниками послужило более двадцати терминосистем. Однако наиболее частотными являются анализируемые единицы, соотносимые с тематическими группами «Война» и «Сельское хозяйство», из которой мы отдельно выделили для рассмотрения оттерминологические единицы и термины, относящиеся к коневодческой сфере деятельности (соотносимые с тематической группой «Коневодство»).

При классификации оттерминологических и терминологических единиц, представленных в творчестве М. Шолохова, с точки зрения структурно-семантического критерия они были подразделены по количеству компонентов, по соотношению с моделями сочетаний слов или словосочетаний (для многокомпонентных единиц), по частеречной принадлежности.

Так, в анализируемом материале были выделены однокомпонентные и многокомпонентные единицы, количество компонентов в которых варьируется от двух до четырех.

Кроме того, выявлено, что в шолоховских текстах анализируемые многокомпонентные единицы могут быть построены как по моделям сочетаний слов, так и по моделям словосочетаний.

Установлено, что в аспекте частеречной принадлежности (соотнесенности с частями речи) рассматриваемые однокомпонентные оттерминологические единицы и термины представлены существительными, глаголами, прилагательными и наречиями. Многокомпонентные единицы по частеречной принадлежности подразделяются на субстантивные, глагольные, адвербиальные и междоименные.

Оттерминологические и терминологические единицы в анализируемом материале по территориальному критерию были классифицированы на территориально не ограниченные (92 % единиц) и ограниченные в употреблении, или диалектизмы (8 % единиц). Последние, в свою очередь, представлены следующими типами: *этнографические, семантические*

(иногда употребляется термин «лексико-семантические»), собственно лексические, словообразовательные, грамматические (морфологические), фонетические. Кроме того, как отдельный тип диалектизмов также выделяем в творчестве писателя *этологизмы*.

Выявлено, что оттерминологические единицы в художественных произведениях М. Шолохова образованы на основе метафорического переосмысления.

Оттерминологические единицы, основанные на метонимическом типе переосмысления, в шолоховских текстах мы не выявили.

Установлено, что в анализируемом материале также применяется индивидуально-авторский способ образования оттерминологических единиц, суть которого заключается в переносе внешней формы термина (на основе фонетических ассоциаций) на значение общеупотребительного слова. Таким образом, значение новой единицы мотивировано не прямым значением термина, а его фонетической структурой.

Как показало наше исследование, терминологические единицы как источник экспрессивной функции художественных произведений М. Шолохова реализуются за счет преобразований в морфологической структуре, а также посредством их включения в состав сравнений, которые выражены различными грамматическими способами. С целью создания ярких и необычных образов в творчестве писателя термины используются в большинстве случаев как компоненты окказиональных сравнений.

По результатам проведенного исследования нами были выделены следующие типы варьирования анализируемых единиц: *фонетический, морфемно-семантический, морфологический, лексический, лексико-семантический, структурный, структурно-семантический, комбинированный*.

Вариантное использование рассматриваемых оттерминологических и терминологических единиц служит важным средством повышения

экспрессивной насыщенности высказывания, что вызывает сильные эмоции у адресата.

Таким образом, исследование типов и особенностей варьирования оттерминологических и терминологических единиц в шолоховских произведениях позволяет утверждать, что вариантное использование данных единиц является значительным интенсификатором экспрессивности художественного текста.

В целом посредством оттерминологических и терминологических единиц, выступающих в качестве источника экспрессивности художественных произведений М. Шолохова, создается точная эмоциональная характеристика действующих лиц и событий, передается отношение автора к изображаемой действительности, что позволяет эстетически воздействовать на читателя. Таким образом, рассматриваемые слова и словосочетания характеризуются высоким прагматическим потенциалом.

Итак, анализ оттерминологических и терминологических единиц, употребляемых в художественных произведениях М. Шолохова, в структурно-семантическом и прагматическом аспектах позволяет утверждать, что рассматриваемые единицы являются значимыми компонентами языка художественного произведения, так как представляются одним из базовых источников его экспрессивности. Исследование употребления оттерминологических и терминологических единиц помогает выявить лингвокреативный потенциал писателя, характерные черты индивидуально-авторского стиля. Все это обуславливает необходимость дальнейшего исследования оттерминологических и терминологических единиц в художественном тексте в коммуникативном и сопоставительном аспектах (сопоставление специфики употребления оттерминологических и терминологических единиц в разных произведениях М. Шолохова в зависимости от времени написания и содержания; в произведениях

М. Шолохова и в произведениях других писателей), а также в аспекте автороведческой экспертизы, что и составляет перспективу их изучения.

## Библиографический список

1. Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 83–91.
2. Арнольд И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблемы экспрессивности // Экспрессивные средства английского языка: сб. науч. трудов ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л.: ЛГПИ, 1975. С. 11–20.
3. Арнольд И. В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста // Текст как объект комплексного анализа в вузе. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1984. С. 3–19.
4. Арнольд И. В. О понимании термина «текст» в стилистике декодирования // Стилистика художественной речи. Л.: Просвещение, 1980. С. 3–11.
5. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. М.: Высшая школа, 1991. 140 с.
6. Арнольд И. В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика // Интертекстуальные связи в художественном тексте: межвузовский сб. науч. трудов / отв. ред. И. В. Арнольд. СПб: Образование, 1993. С. 4–12.
7. Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Лингвистическая прагматика // Новое в зарубежной лингвистике / под ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 3–42.
8. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
9. Благова Н. Г. К вопросу о семантических изменениях терминологической лексики // Вопросы семантики. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1976а. С. 122–130.

10. Благова Н. Г. К вопросу о семантическом преобразовании терминов в художественной и публицистической речи: рукопись. Л., 1976б. 20 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 02.02.1976 № 685.
11. Благова Н. Г. Научно-технические термины в современной художественной и публицистической речи (семантическая альбеда): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1976в. 20 с.
12. Благова Н. Г. Семантико-стилистический анализ научно-технических терминов в художественной речи // Вестник Ленинградского университета. Сер. История, язык, литература. 1976г. № 2. Вып. 1. С. 108–115.
13. Болотнова Н. С. Гармонизация общения и лексическая структура художественного текста: лекция. СПб.: Образование, 1992. 55 с.
14. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика художественного текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 157–162.
15. Болотнова Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск: Изд-во Томск. пед. ин-та, 1994. 212 с.
16. Брагина А. А. Значение и оттенки значения в термине // Терминология и культура речи. М.: Наука, 1981. С. 37–47.
17. Бурова Г.П. Алхимия слова: фармацевтический дискурс в художественной литературе // Русский язык и межкультурная коммуникация. 2015. № 1 (14). С. 196-202.
18. Буянова Л. Ю. Термин как единица логоса. Краснодар: КубГУ, 2002. 182 с.
19. Буянова Л. Ю. Термин как лингвоментальный знак культуры // Современные тенденции в лексикологии, терминоведении и теории LSP: сб. науч. трудов, посвящ. 80-летию В. М. Лейчика. М.: Изд-во МГОУ, 2009. С. 68–71.

20. Буянова Л. Ю. Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2014. 251 с.
21. Ваганов А. В. Сравнения в языке произведений М. А. Шолохова. Ростов н/Д: РГУ, 1992. 23 с.
22. Вартаньян Э. А. Из жизни слов. М.: Детская литература, 1973. 288 с.
23. Васильев Л. М. Стилистическое значение, экспрессивность и эмоциональность как категории семантики // Проблемы функционирования языка и специфики речевых разновидностей. Пермь: ПГУ, 1985. С. 3–8.
24. Васильев Н. В. Научная лексика в языке А. С. Пушкина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1989. 91 с.
25. Великанова Е. В. К проблеме создания свода предметных фразеологизмов с отвлеченным значением // Фразеологические чтения памяти профессора В. А. Лебединской / отв. ред. Н. Б. Усачева. Курган: Изд-во Курганск. гос. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 36–37.
26. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 239 с.
27. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 655 с.
28. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Госиздат, 1961. 614 с.
29. Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981. 320 с.
30. Виноградов В. В. Сюжет и стиль. Сравнительно-историческое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 192 с.
31. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. Т. V. Сб. статей по языковедению. 1939. С. 3–54.

32. Волкова И. Н. Стандартизация научно-технической терминологии. М.: Изд-во стандартов, 1984. 199 с.
33. Волошина Л. И. Термин-метафора в художественном тексте. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1986. 14 с.
34. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
35. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию: Проф. В. В. Виноградову (в день его 60-летия). М.: МГУ, 1958. С. 103–124.
36. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1958. 460 с.
37. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Высшая школа, 1981. 185 с.
38. Глухов В. М. Образный мир М. А. Шолохова: учеб.-метод. пособие к спецкурсам и семинарам. Волгоград: Феникс, 2013. 292 с.
39. Глушко М. М. Функциональный стиль общественного языка и методы его исследования. М.: Высшая школа, 1974. 252 с.
40. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка / отв. ред. Ф. П. Филин. 2-е изд. М.: Либроком, 2009. 240 с.
41. Даниленко В. П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии / отв. ред. В. П. Даниленко. М.: Наука, 1971а. С. 7–67.
42. Даниленко В. П. Об основных лингвистических требованиях к стандартизируемым терминам // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики: в 2 ч. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971б. Ч. 1. С. 72–78.
43. Даниленко В. П. Об особенностях морфологического словообразования в языке науки // Русский язык: вопросы его истории и современного состояния. М.: Наука, 1978. С. 18–23.

44. Даниленко В. П. О месте научной терминологии в лексической системе языка // Вопросы языкознания. 1976. № 4. С. 64–71.
45. Даниленко В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
46. Дворяшин Ю. А. М. А. Шолохов и русская проза 30–70-х годов о судьбе крестьянства: дис. ... д-ра филол. наук. Ишим, 1994. 348 с.
47. Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1979. 192 с.
48. Диброва Е. И. Парадоксы косвенной фразеологической номинации // Фразеологизм и слово в русском языке: межвузовский сб. науч. трудов. Ростов н/Д: РГПИ, 1983. С. 8–19.
49. Диброва Е. И. Синкретизм фразеологического знака (разграничение фразеологической синонимии и вариантности) // Фразеологическая номинация: Особенности семантики фразеологизмов: межвузовский сб. науч. трудов. Ростов н/Д: РГПИ, 1989. 92 с.
50. Дмитриева М. И. Семантико-прагматичные и стилеобразующие характеристики экспрессивных единиц языка (на материале авторских текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2000. 16 с.
51. Жидкова Ю. Б. Функционирование медицинской терминологии в художественных произведениях русских писателей XIX – начала XXI века: на материале прозы А. П. Чехова, В. В. Вересаева, М. А. Булгакова, Ю. П. Германа, В. П. Аксенова, Л. Е. Улицкой.: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 184 с.
52. Жуков В. П. Изучение русской фразеологии в отечественном языкознании последних лет // Вопросы языкознания. 1967. № 5. С. 104–113.
53. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1978. 160 с.

54. Жуков В. П. Способы фразеологической аппликации и классификация фразеологического материала // Системность русского языка. Новгород: НГУ, 1973. С. 125–137.
55. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2006. 408 с.
56. Канделаки Т. Л. К вопросу о номенклатурных названиях // Вопросы разработки научно-технической терминологии. Рига: Зинатне, 1973. С. 60–70.
57. Канделаки Т. Л. Опыт разработки принципов упорядочения терминологий (конструирование словарей системного типа) // Современные проблемы русской терминологии: сб. статей. М.: Наука, 1986. С. 87–93.
58. Канделаки Т. Л. Основные группировки терминологических единиц упорядоченных терминологий // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 84–89.
59. Канделаки Т. Л. Семантика и мотивированность терминов. М.: Наука, 1977. 167 с.
60. Капанадзе Л. А. Взаимодействие терминологической лексики с общелитературной: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966. 25 с.
61. Капанадзе Л. А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка: сб. статей / под. ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. М.: Наука, 1965. С. 75–85.
62. Киселева Л. А. Теоретические проблемы исследования языка как средства воздействия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1973. 48 с.
63. Киселева Л. А. Язык как средство воздействия. Л.: ЛГПИ, 1971. 234 с.
64. Комлев Н. Г. Границы точности термина в разных науках // Проблемы взаимосвязи общественных и естественных наук. М., 1987. С. 103–117.
65. Котелова Н. З. К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 122–126.

66. Кузькин Н. П. К вопросу о сущности термина // Вестник ЛГУ. Сер. История, язык, литература. 1962. № 20, вып. 4. С. 136–146.
67. Лаухина С. С. Омонимия фразеологизмов и терминологических словосочетаний в современном русском языке: дис. ... кан. филол. наук. Омск, 2006. 216 с.
68. Лейчик В. М. Новое в советской науке о терминах // Вопросы языкознания. 1983. № 5. С. 118–127.
69. Лейчик В. М. Номенклатура – промежуточное звено между терминами и собственными именами // Вопросы терминологии и лингвистической статистики: сб. статей. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. унта, 1974. С. 13–24.
70. Лейчик В. М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века // Вопросы филологии. 2000. № 2. С. 20–29.
71. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. М.: ЛКИ, 2007. 256 с.
72. Литвин Ф. А. Экспрессивность текста и экспрессивность слова // Проблемы экспрессивной стилистики / отв. ред. Т. Г. Хазагеров [и др.]. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1987. С. 36–39.
73. Лобанов С. В. Моделирование функционирования фрейма научного термина в художественном тексте // Иностранные языки в высшей школе. Рязань: Рязанск. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2005. № 2. С. 106–112.
74. Лобанов С. В. Реализация функции оценки научным термином в художественном тексте // Иностранные языки в высшей школе. Рязань: Рязанск. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2008. № 6. С. 77–82.
75. Ломакина О.В. Фразеоконтекст: от теории изучения к практике интерпретации // «Филология и культура. Philology and Culture». 2015. № 4. С. 92-97.
76. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.

77. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998. 704 с.
78. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Труды по знаковым системам. Т. 12. Структура и семиотика художественного текста: Ученые записки Тартуского университета. 1981. Вып. 515. С 3–7.
79. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
80. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982. 149 с.
81. Лотте Д. С. Краткие формы научно-технических терминов. М.: Наука, 1971. 84 с.
82. Лотте Д. С. Образование и правописание трехэлементных научно-технических терминов. М.: Наука, 1969. 119 с.
83. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: вопросы теории и методики. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 158 с.
84. Лотте Д. С. Очередные задачи научно-технической терминологии // Известия АН СССР. Сер. VII. Отделение общественных наук. 1931. № 7. С. 883–891.
85. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. вузов. М.: Академия, 2001. 208 с.
86. Маслова В. А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1991. С. 179–205.
87. Мелех Н. Н. Проникновение терминологических единиц в общеупотребительную лексику (экспериментально-сопоставительное исследование на материале разностилевых английских и русских текстов): дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2004. 200 с.
88. Меликян В. Ю. Категории оценочности, эмоциональности, интенсивности и экспрессивности: толкование и характер взаимодействия // Современный русский язык: актуальные вопросы теории и методики преподавания. Ростов н/Д: Дониздат, 2012. 202 с.

89. Меликян В.Ю. Синтаксические фразеологические единицы: фразеосинтаксические схемы: монография. Ростов-на-Дону: Издательство Дониздат, 2019. 268 с.
90. Меликян В.Ю. Синтаксическая фразеология русского языка. [Электронный ресурс] Учебное пособие для магистрантов, аспирантов и докторантов. М.: Флинта: Наука, 2013. 351 с.
91. Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксическая фразеология. Учебное пособие для студентов. М.: Флинта: Наука, 2014. 232 с.
92. Меликян В.Ю., Меликян А.В. Коммуникемы со значением «оценки»: этимологический аспект (на материале английского языка) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т.8. №1. С.78-88. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-78-88.
93. Меликян В.Ю., Меликян А.В. Феномен синтаксической семиоимпликации // Studia z Filologii Polskiej i Slowianskiej. 2018. Вып.53. С. 348-368. DOI: 10.11649/sfps.2018.021.
94. Мельников Г. П. Основы терминоведения. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1991. 116 с.
95. Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1990. 159 с.
96. Мокиенко В. М. Образы русской речи. СПб.: Фолио-Пресс, 1999. 464 с.
97. Мокиенко В. М. О тематико-идеографической классификации фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. М.: Русский язык, 1982. С. 108–121.
98. Мокиенко В. М. Славянская фразеология: учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.». 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 287 с.
99. Мокиенко В. М. Фразеология, текст и лингвострановедение // Лингвострановедение и текст. М.: Русский язык, 1987. С. 168–176.

100. Немыка А. А., Пешков А. Н. Термины в языке художественной литературы: теоретический, функциональный и лингводидактический аспекты // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 5. С. 250–253.
101. Павленко Т. Л. О границах лексического состава фразеологизмов // Разноуровневые единицы языка и их речевая реализация: межвузовский сб. науч. трудов. Ростов н/Д: РГПУ, 1997. С. 104–112.
102. Павленко Т. Л. О переносном использовании составных терминов и номенклатурных обозначений // Проблемы русской фразеологии. Семантика фразеологических единиц: республиканский сб. / отв. ред. В. Л. Архангельский. Тула: [б. и.], 1975. С. 86–95.
103. Павленко Т. Л. Переносное использование составных терминов и номенклатурных обозначений при образовании экспрессивной фразеологии // Вопросы лексической и фразеологической семантики. Ростов н/Д: РГПИ, 1979. С. 100–107.
104. Павленко Т. Л. Семантические отношения компонентов фразеологической единицы со словами // Фразеологическая номинация: Особенности семантики фразеологизмов: межвузовский сб. науч. трудов. Ростов н/Д: РГПИ, 1989. С. 37–46.
105. Прийма К. И. С веком наравне. Статьи о творчестве М.А. Шолохова. Ростов н/Д: Дониздат, 2011. 256 с.
106. Психология / под ред. А. А. Смирнова [и др.]. 2-е изд. М.: Просвещение, 1962. 559 с.
107. Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н. Современный русский язык. Лексика. Лексикология. Морфология: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та: ЧеРо, 1997. 480 с.
108. Реформатский А. А. Введение в языкознание. М.: Просвещение, 1967. 542 с.
109. Реформатский А. А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. М.: Наука, 1986. С. 163–198.

110. Реформатский А. А. О некоторых вопросах терминологии // Сборник докладов и сообщений лингвистического общества. Калинин: Изд-во Калининск. гос. ун-та, 1974. Вып. 4. С. 142–157.
111. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1968. С. 100–125.
112. Реформатский А. А. Что такое термин и терминология? // Вопросы терминологии: материалы Всесоюзного терминологического совещания. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 46–54.
113. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. М.: Айрис-Пресс, 2002. 448 с.
114. Русская грамматика: в 2 т. М.: Наука, 1980.
115. Руссу А. Н. Вариантность слова в современном немецком разговорном языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 243 с.
116. Савенкова Л. Б. Грани языкового мастерства М. А. Шолохова // «Алмазные россыпи русской речи»: языковое мастерство М. А. Шолохова / отв. ред. Л.Б. Савенкова. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2015. С. 6–11.
117. Степанов Ю. С. В поисках прагматики (проблема субъекта) // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 326–332.
118. Стопченко Н. И. М. А. Шолохов в Германии (1929–2011): диалог культур-цивилизаций. М.: Вузовская книга, 2012. 256 с.
119. Судовцев В. А. Научно-техническая информация и перевод: пособие по английскому языку. М.: Высшая школа, 1989. 232 с.
120. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
121. Телия В. Н. К проблеме связанного значения слова: гипотезы, факты, перспективы // Язык – система, язык – текст, язык – способность. М.: Ин-т русского языка РАН, 1995. С. 106–113.
122. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173–203.

123. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 284 с.
124. Телия В. Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981. 269 с.
125. Телия В. Н. Экспрессивность // Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. С. 637–638.
126. Толикина Е. Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 53–67.
127. Томашевский Б. В. Стилистика: учеб. пособие. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1983. 288 с.
128. Туранский И. И. Лексико-грамматические способы выражения интенсивности в современном английском языке // Контрастивная и функциональная грамматика: сб. науч. трудов. Калинин: Изд-во КГУ, 1985. С. 139–147.
129. Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности как понятие экспрессивной стилистики // Проблемы экспрессивной стилистики: сб. / под ред. Т. Г. Хазагерова. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1992. Вып. 2. С. 27–35.
130. Туранский И. И. Содержание и выражение интенсивности в английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1991. 41 с.
131. Туранский И. И. Средства интенсификации высказывания в английском языке: учеб. пособие к спецкурсу для студ. пед. ин-тов и факультетов иностранных языков. Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ин-т, 1987. 76 с.
132. Цаголова Р. С. Лексико-семантические особенности политико-экономической терминологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 146 с.
133. Шамсиддинов Х. Термины в художественной речи: дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1984. 148 с.

134. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во ВорГУ, 1987. 190 с.
135. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
136. Шаховский В. И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантических категорий лингвостилистики // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. Рязань: Изд-во Рязанск. пед. ин-та, 1975. Вып. 2. С. 3–25.
137. Шмелев Д. Н. Очерки по лексикологии русского языка. М.: Просвещение, 1986. 244 с.
138. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Едиториал УРСС, 2003. 244 с.
139. Шмелев Д. Н. Слово и образ. М.: Наука, 1964. 120 с.
140. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. 3-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 336 с.
141. Шолоховская энциклопедия / гл. ред. Ю. А. Дворяшин. М.: СИНЕРГИЯ, 2012. 1216 с.
142. Якименко Л. Г. Творчество М. А. Шолохова. М.: Советский писатель, 1970. 664 с.
143. Felber H. Terminology Manual. Vienna: Infoterm, 1984. 426 p.
144. Melikyan V.Y. Fixed phrase schemes with the compulsory component wh-word in the English, Russian and Spanish Languages // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2015. №4.
145. Melikyan V.Y., Melikyan A.V., Kasatkina E.A. The phenomenon 'власть' ('power') as a Part of Russian Phraseosemantic Worldview // Zeitschrift für Slawistik. 2019. № 64 (3). P. 404-444. DOI 10.1515/slav-2019-0023.

#### *Словари и справочники*

146. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2005. 576 с.

147. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 928 с.
148. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта: Наука, 2009. 384 с.
149. Большой академический словарь: в 23 т. / под ред. К. С. Горбачевича [и др.]. М.; СПб.: Наука, 2004–2010.
150. Большой толковый словарь донского казачества: ок. 18 000 слов и устойчивых сочетаний / ред. В. И. Дегтярев [и др.]. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2003. 608 с.
151. Гринев С. В. Исторический систематический словарь терминов терминоведения. М.: Физматлит, 2000. 144 с.
152. Гуревич Д. Я., Рогалев Г. Т. Словарь-справочник по коневодству и конному спорту: ок. 1400 единиц. М.: Росагропромиздат, 1991. 240 с.
153. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2000.
154. Жеребило Т. В. Термины и понятия лингвистики: Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: словарь-справочник. Назрань: Пилигрим, 2011. 128 с.
155. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
156. Меликян В.Ю. Словарь экспрессивных устойчивых фраз: фразеосхемы и устойчивые модели. Изд. 3-е. М.: Флинта: Наука, 2017. 336 с.
157. Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. СПб.: Норинт, 2003. 608 с.
158. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.
159. Сельскохозяйственный энциклопедический словарь / гл. ред. В. К. Месяц. М., Советская энциклопедия, 1989. 656 с.

160. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
161. Словарь фразеологических омонимов современного русского языка / под ред. Н. А. Павловой. М.: Флинта: Наука, 2010. 304 с.
162. Словарь языка Михаила Шолохова / под ред. Е. И. Дибровой. М.: Азбуковник, 2005. 964 с.
163. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Астрель: АСТ, 2000.
164. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиковой. М.: Эксмо, 2007. 1136 с.
165. Физический энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1983. 928 с.
166. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Федоров. М.: АСТ, 2001. 720 с.
167. Фразеологический словарь русского языка: св. 4000 словарных ст. / под ред. А. И. Молоткова. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1978. 543 с.
168. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. / под ред. А. Н. Тихонова. М.: Флинта: Наука, 2004.
169. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т.: ок. 60 000 терминов / гл. ред. Б. В. Петровский. М.: Советская энциклопедия, 1982–1984.
170. Longman English Dictionary Online. URL: <http://www.longmanwebdict.com>.

### *Источники языкового материала*

171. Булгаков М. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Астрель: АСТ: Харвест: Восток-Запад, 2008.
172. Николаева Г. Битва в пути. М.: Советский писатель, 1959. 178 с.
173. Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1985–1986.

## Список сокращений

БАС – Большой академический словарь русского языка / под ред. К. С. Горбачевича [и др.]. М.; СПб.: Наука, 2004–2014.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

СДК – Большой толковый словарь донского казачества: ок. 18 000 слов и устойчивых сочетаний / ред. В. И. Дегтярев [и др.]. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2003. 608 с.

СК – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

СРЯ – Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999.

СУ – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Астрель: АСТ, 2000.

СФОСРЯ – Словарь фразеологических омонимов современного русского языка / под ред. Н. А. Павловой. М.: Флинта: Наука, 2010. 304 с.

СЭС – Сельскохозяйственный энциклопедический словарь / гл. ред. В. К. Месяц. М., Советская энциклопедия, 1989. 656 с.

СЯМШ – Словарь языка Михаила Шолохова / под ред. Е. И. Дибровой. М.: «Азбуковник», 2005. 964 с.

ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Федоров. М.: АСТ, 2001. 720 с.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка: св. 4000 словарных статей / под ред. А. И. Молоткова. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1978. 543 с.

ФССРЛЯ – Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. / под ред. А. Н. Тихонова. М.: Флинта: Наука, 2004.

ФЭС – Физический энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1983. 928 с.

ЭСМТ – Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т.: ок. 60 000 терминов / гл. ред. Б. В. Петровский. М.: Советская энциклопедия, 1982–1984.